

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Чудо в перьях

Блестящие отзывы Льва Аннинского

—
Книги переведены на японский язык

ЛАБИРИНТЫ ДУШИ

Лабиринты души

Галина Артемьева

Чудо в перьях (сборник)

«ЭКСМО»

2012

Артемьева Г. М.

Чудо в перьях (сборник) / Г. М. Артемьева — «Эксмо»,
2012 — (Лабиринты души)

ISBN 978-5-699-55505-5

Рассказы Галины Артемьевой – мудрые, тонкие и честные. Все они – о нас, обычных людях, живущих своей привычной жизнью. Это истории о радости и печали, об искушениях и тех обыденных чудесах, которые порой спасают нас в самые тяжелые моменты, о равнодушии и безграничной любви. Творчество Галины Артемьевой высоко оценил литературный критик Лев Аннинский, чье послесловие включено в данную книгу. В сборник вошли рассказы «Дурачок», «Волчицы», «Любовь твоя сияет» и другие произведения.

ISBN 978-5-699-55505-5

© Артемьева Г. М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Дурачок	5
Нас здесь никто не понимает	7
Платье года	12
Чудо в перьях	15
Елка	21
Махну серебряным тебе крылом... [3]	30
Юзер	33
1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Артемьева

Чудо в перьях

Дурачок

Детская площадка помещалась между двумя девятиэтажками хрущобного типа. Песочницы, скамеечки, гигантские шаги, горки, качели. За всем этим следила дворничиха Нюра. Поддерживала чистоту и порядок. А порядок был такой: с понедельника по пятницу творите чего хотите, а в субботу-воскресенье – кыш: место принадлежит ее Васеньке. Все по справедливости – в выходные нечего у дома толочься, родители должны детьми заниматься, в зоопарк возить, на экскурсии или дома воспитывать. А ее Василек дома всю неделю не бывает. Он учится в специальном интернате для необычных детей. Она так называла своего сыночку – необычный. Для всех остальных – детей и взрослых – он был дурачок.

Дурачка ей отдавали по пятницам. Сын с матерью чинно шли домой. По дороге Нюра рассказывала все, что наболело за неделю. Дурачок внимательно слушал, старательно вышагивая, пытаясь не наступать на тротуарные трещины. Высказав все за двадцать минут пути, Нюра успокаивалась, удивляясь, как такой несмышлениш умеет все понять.

Становилось поздно. Они пили чай с сушками и ванильными сухарями. Сушки Васенька сначала надевал на толстенькие пальчики. Как колечки получались. Пальчики растопыривались. Им вместе делалось смешно.

– Гы-ы-ы, – смеялся Васенька.

Потом он съедал свои колечки. Показывал матери пустую руку: все, нету, ам.

Потом они ложились спать.

После субботнего завтрака Нюра совершала привычные приготовления: проверяла на лоджии свой поливальный шланг и одевала Василька для прогулки. Гулять дурачок выходил в синем сатиновом халате и черных ботинках на шнуровке. Ему так нравилось. Он почему-то не мерз. Только в самые лютые морозы разрешал надеть на себя шаровары и пальто. Но тогда он себе не нравился и делался печальным и неуклюжим.

А так, в халате, он, может, думал, что он птица. Он усаживался на качели, раскачивался что было сил, полы халата распахивались, как крылья. Он старался кричать по-птичьи: ар-ар-ар. Получалось очень громко. Птицы не осмеливались соперничать с ним и, пораженные, наблюдали за победителем с верхушек деревьев.

Он качался часами, не уставая. Ему не надоедало.

Мать любовалась его наслаждением со своего наблюдательного пункта. С лоджии на первом этаже. Сидела такая маленькая и безобидная со счастливым лицом. Но колючие глазки недобро провожали всякую опасную для ее Васеньки мелочь.

Вот новые жильцы, не знающие порядка, выводят собаку выгуливать в песочницы.

– Это что такое!!! Собакам здесь запрещено!!! Здесь дети гуляют!

– А кто ты такая мне указывать?!

– Я тебе покажу, кто я такая. Я здесь на службе, зарплату получаю.

– Да моя собака чище твоего ребенка!..

После таких вступительных слов Нюра беседу не продолжала. Она молча врубала шланг на полную мощность. Защитница-вода радостно обрушивалась на чужаков. Собака рвалась прочь, таща на поводке орущего человека. Ори, ори, вода твои гадости до моих ушей не допустит. А жаловаться не пойдешь: на детской площадке собакам гадить не положено.

Не только собакам запрещалось мешать Васенькиному отдыху. Безжалостно-любопытным «обычным» детям тоже не разрешалось подходить к играющему Васильку. Родителям Нюра объяснила давно:

– Глядите, они его обижают, а он сильный, расстроится, ударит, кто потом будет виноват? Вы давайте своих стерегите, а я своего пожалею.

И то верно. Даже взрослым было жутковато смотреть, как взлетает Василек в небо в распахнутом халате. Страшно было слышать его гортанные выкрики «ар-ар-ар». За ними чудилась угроза, слышалось недовольство.

Пусть себе гуляет один на выходные. Зато их детям принадлежит весь мир. По справедливости.

Нагулявшийся Васенька валился с ног от усталости. Нюра наливала ему шей и велела дуть – горячо, ай! Василек надувал щеки, делал ветер, капуста в щях двигалась, толкалась, плыла. Он показывал на нее пальцем, смеялся.

И все-таки: какой интернат у ее сыночки хороший! Всему научили: и в туалет ходить, и попу вытирать, и ложкой кушать. Руки мыть умеет. Но не любит. Она дома его и не заставляет, в понедельник утром его умывает. А так – уж какой такой грязи он в собственном доме наберется! Ничего. Главное, нарадоваться друг другу, наговориться.

Нюра рассказывает Васильку про чужую собаку, про то, что во вторник привезут новый песок в песочницы. Как она его весь просеет, чтобы не было камушков. Еще кормушки для птиц одни тут обещали сделать. Развешат они кормушки, прилетят разные птички: пи-пи-пи, чирик-чирик, тюк-тюк-тюк.

Васенька хохочет. Значит, правильно она это с кормушками придумала. Надо будет тех-то поторопить, чтоб к следующим выходным...

Спать ее дитя укладывается прямо в халате, чтобы с утра быть готовым взлетать и качаться, приближаться к небу и отдаляться.

Нюра любит его, любит. В кого он у нее такой? Кабы знать...

Она тогда пришла к доктору и спросила:

– А можно забеременеть, если случайно в бане наденешь мужские трусы?

Доктор стал странно кашлять и хрюкать, и головой качать: нет, мол.

– Тогда я не беременная, – свободно вздохнула Нюра.

Только врач знал больше, даром, что ли, учился!

– Беременная, – постановил он. – Ну что, на аборт направлять?

– Это зачем же? – обиделась Нюра.

Но она все равно ничего не могла понять, как это у нее возникло. Она тогда жила еще в общежитии бедной лимитчицей и вечерами ходила убираться в баню, чтобы не мешать своей соседке по комнате встречаться с женихом.

Мужики в бане ее не стеснялись, иногда наливали пивка. Чего не выпить пивка, если угощают? Да и предлагали-то обычно полкружечки.

Может, подмешали ей что в тот вечер? Ничего она не помнила и до сих пор не знает. Помнит только, что уже утром все смеялась со своей соседкой, трусы мужские семейные на себе показывала: во, доработалась! Трусы чьи-то в горошек на себя натянула. А как же тот мужик – без трусов домой поперся?

– Ах-ха-ха-ха!!!

Ну и ничего. И хорошо. И все сладила. И квартиру заработала. И сын инвалид. И должность – начальник двора. Ничего. Жалко только, один он у нее. Случись что с ней – отнимут ведь все у него, беззащитного. Ему бы братика или сестричку. Чтоб не один. Чтоб вместе.

Да и зачем о печальном думать? У нее у самой еще сил полно. И в интернате, глядишь, Васеньку еще многому научат. Ему же четырнадцать всего. Ему еще расти и расти.

Нас здесь никто не понимает

– Давай-ка я тебе спинку кремом намажу, а то вон покраснела уже. Вечером будешь как рак вареный, все развлекаловки наши накроются медным тазом.

– Ну, ты лучше не тяни, рассказывай!

– Вот я и рассказываю. Подставляй давай спину... Она давно хотела ребеночка усыновить, эта американка. У нее почему-то своих детей не было. У них там как-то так получается, что все есть, а дети на свет появляться не хотят. А у нас полный развал и тьма египетская, но дети так и прут. Приключениям навстречу, что ли? Страданиям и унижениям? Или там, на небесах, праведников не хватает? Хотя какие из наших детей праведники в этой грязи? С другой стороны, не в благополучии же и заботах о себе они произрастут? Они же здесь намучиться должны, чтобы белые одежды на небесах обрести...

– Нет, ну чего ты отвлекаешься все время? Ты ситуацию давай!

– О'кей, ситуацию: американская баба хотела ребеночка. Давно. Кстати, мужа у нее не было. Самостоятельная, работающая женщина с домом, садом, бассейном, машиной и всякими другими удобствами. Все могла. Все, что задумывала, у нее получалось. Кроме ребеночка. Конечно, можно было бы усыновить какого-нибудь черненького младенчика из голодающей африканской страны или желтенького азиатика. Но ей хотелось белого, как она сама. Девочку беленькую. Чтобы со временем они стали подружками и можно было бы ее всему научить, что сама умеешь: губы красить так, чтобы помада не расползалась, брови выщипывать, ноги брить, морду кремом на ночь мазать, педикюриться регулярно, мужиков презирать. В общем, глодала ее мечта передать свой бесценный жизненный опыт, так сказать, дочери. Но где взять беленькую? Они редкость! В странах, где беленькие рождаются, с детьми напряженка. И вдруг – чудо! Начался у нас развал. Эта потенциальная мать сразу приняховаться стала: где паленым запахло, там и сиротки появятся. Она не знала, что сиротки у нас и так водились в большом количестве, только на экспорт не поставлялись. Запрещено было. Типа того, что Родина-мать своих детей не бросает... Но у нее, у тетеньки американской, короче, зародилась надежда. Каждое воскресенье она в своей церкви – у них там что-то вроде секты есть, Церковь Христа называется, – так вот каждое воскресенье она молилась, чтобы в России дела шли как можно поганей и обратились бы русские, в конце концов, к Америке за помощью. И они бы раскрыли свои широкие объятия побежденным без единого выстрела русским, а там, глядишь, и сбылась бы ее мечта и появилась бы в ее доме желанная беленькая дочечка.

И довольно в скором времени все пошло так, что лучше не придумашь: все катилось в тартарары, и обещался голод, и нужны были духовные наставники вместо этих чудовищ-коммунистов. Вот уже из ее секты поехали в Москву миссионеры учить русских христианству, обращать к единственно правильной вере. Какое-то время пришлось подождать, и наконец разрешено было усыновлять наших сирот иностранцам, но только совсем больных, хиленьких, «не жильцов», как говорится. Помнишь, как-то калечек крохотных по телику показывали, как американцы в них вцеплялись, не глядя: берем, вырастим, это при том, что у них свои дети были, вполне здоровые. Там был мальчик безногий, Алеша, его мать в роддоме сразу оставила, как увидела, что у сыночка ножки нет. Сидел он в кровати, серый, печальный такой бедняга, словно не ребенок, а отживший свой век старичок со своей пенсией в десять долларов. А потом видим, каким Алеша через год в новой семье стал – не узнать! Сделали ему протезик – от ноги не отличишь, бегают, в футбол играет, хохочет, загорелый, гладкий – ни следа сиротства не осталось! Здоровые дети детдомовские, наверное, завидовали увечным – здоровых вывозить не разрешалось.

Американка наша томила в ожидании, вымаливала себе полноценное дитя. Наконец благая весть: наладили братья-миссионеры нужные связи, можно приезжать выбирать беби. Она рванула в Россию.

От детдома уже издали несло детской тоской и гадкой едой. Не верилось, что именно здесь водятся светлокожие, ясноглазые дети, что мечта ее исполнится, и вот приводят девочку пятилетнюю – просто из сказки девочка. И дальше было как в сказке – малышка сразу к ней побежала и говорит: «Мама!» Так обе друг в друга и вцепились, не оторвать. Стала она собирать бумаги, то да се, несколько раз моталась туда-обратно, деньжищ угрохала. Все вроде бы выходит. Медосмотр ребенку по всем статьям провела, чтобы избежать неприятных сюрпризов. Но при этом постоянно жутко тряслась: а вдруг в последний момент что-нибудь сорвется. Родители у девочки были живы, хоть и лишены родительских прав: отец в тюрьме, мать хоть и на свободе, но алкоголичка запойная, которая исчезала из дома, оставляя своих детей некормленными по несколько дней. Дети вообще чудом живы остались, благодаря тому только, что у них в квартире прорвало водопроводную трубу и залитые водой по колено нижние жилы, не достучавшись, вызвали милицию. Взломали дверь, возились на кухне с трубой, а потом чисто случайно глянули на ворох тряпья на драном диване, а оттуда глаза, неземным светом уже сияют – крайняя степень истощения. Дети поначалу глотать даже не могли, разучились. А мамаша, когда домой заявила, о них даже и не вспомнила, будто их и не было у нее никогда. Тем не менее американка, ее, кстати, Джоселин зовут, боялась по-страшному, что вдруг где родители как-то опомнятся и выцарапают у нее ребенка.

И вот когда все было почти готово, она прилетела с кучей подарков для своей девочки, а та вдруг не стала ничего брать и принялась плакать и что-то лепетать на непонятном своем языке. А переводчица и объясняет, что у Мэри есть братик на год ее младше и малышка умоляет маму взять и братика тоже. Но американка-то мечтала о девочке, и только о девочке. Из девочки вырастет очаровательная девушка, прекрасная цветущая женщина. А из мальчика? Вонючий бул-шит! И она сказала: «Нет, мы так не договаривались», и «Это не представляется возможным», и «Я прошу не оказывать на меня давление». Маша разрыдалась и принялась вырываться из ее рук, еще не услышав перевода, – поняла интонацию. Директор детдома – женщина с измученным лицом, от которой пахло потом и духами и еще изо рта от плохих зубов, стала приближать свое лицо к гладкому лицу Джоселин и просительно что-то втолковывать. Нельзя было усугублять ситуацию – так можно было не прийти к поставленной цели, лишиться долгожданной, вымоленной девочки или невероятно все усложнить. Она махнула рукой: «Хорошо, я готова и мальчика взять».

Мальчика ей оформили быстро, просто стремительно. Она медосмотр проводить не стала, вообще едва на него взглянула...

– Ритка, подожди, подожди, неужели ты у этой самой Джоселин переводчицей была?

– Естественно, а то кто же! Ты же знаешь мою планиду: живу себе тихо, никому не мешаю, а награды сами находят героя, приключения на голову так и валяются. Ну что мне эта американка, что мне эта Маша чужая, когда своя Маша дома без матери скучает, правда, слава Богу, не одна, а с бабушкой или с папой. А мать в это время таскается повсюду с гостьей из страны, где все четко знают, что такое хорошо и что такое плохо. Она под конец, знаешь, меня считала уже своей в доску, делилась своими впечатлениями, жить учила. Как начнет, бывало: «Маргарэт, слушай, нас здесь никто не понимает, какая же у них грязь на улицах» или: «Как эти русские все же бедно живут, а, Маргарэт!» А я все слушала, как пень. В конце концов, мне-то что: как приехала, так и уедет, платит отлично, делает доброе дело детишкам. Вот за ребяташек я рада была: они уже такого нахлебались на своем веку – мало не покажется! Жалкие дети до невозможности. Машин братик никого, кроме нее, не признавал, ходил за ней, как привязанный, без нее просто в панику впадал, но не ревел, как нормальные дети, а застывал: глаза в одну точку – и сидит, как каменный.

Я радовалась, что он, как говорится, сменит обстановку, попадет в благополучное окружение и – глядишь – через какое-то время сам станет благополучным, нормальным ребенком, по-английски заговорит. Свой язык полузабудет. И все страшное, что было в жизни, сотрется из памяти.

Пока суть да дело, Джоселин поручила мне учить детей английскому, а сама брала уроки русского, чтобы на первых порах как-то элементарно объясняться. Способная оказалась, хваткая. То, что выучивала, произносила почти без акцента, чисто, правильно. Зря говорят про них, что они тупые. Упрямые – да, это есть. Но секут все мгновенно и своего не упускают.

Наконец все было готово. Забрала американская мать своих детей в отель, нарядила во все новое – загляденье. Можно в рекламе снимать, если бы не глазки их – скорбные слишком, взрослые. Дня три она еще была в Москве, мы вместе гуляли, адаптировали детишек к новым условиям жизни. С Машей Джоселин болтала без умолку, причесывала ее, на прогулках ручку девочкину из своей ни на минуту не выпускала и обращалась исключительно со словами «хани» и «свит харт»¹. Мальчик неприкаянно телепался при Маше, или же я его за руку брала, если дорогу переходили или что-нибудь такое. «Ничего, – я думала, – стерпится-слюбится». Тем более – мальчик хороший. Умненький. К языку гораздо способнее сестрички. Та отвлекается, забывает, а этот все, что скажешь, – уже помнит. Джоселин еще гордиться своим сыночком будет и спасибо скажет, что ей его в дети отдали.

В общем, все нормально. Улетали они днем. Вечером устроили у меня дома прощальный ужин, директриса детдомовская была, я пирогов напекла, купила ребятам на прощание подарки: Маше куклу, мальчику – зайца пушистого. Моя собственная Маша обзавидовалась. «Счастливые, – говорит, – им все, а мне ничего. Да еще в Америку едут». А директриса услышала и говорит: «Ой, детка, не завидуй ты их счастью. Ты с мамочкой остаешься, а они – с чужой тетей в дальние края...» А я еще думаю: «Ну, запричитала. Чужая тетя, чужая тетя. Их собственная мать куда как страшней этой чужой тети». Ну, в итоге вся троица играла дружно, про нас забыли, веселятся. Я на прощание у Джоселин спрашиваю: «В аэропорт приезжать?» Она говорит: «Да в принципе не надо, сама справлюсь, они у меня самостоятельные, помогут маме. Но если хочешь, рейс такой-то, мы там будем за два часа. Я тебе буду писать. И звонить. Фотографии детей пришлю». Так что попрощались по-хорошему. В аэропорт я решила не ехать: дел полно, и действительно, справится сама Джоселин, не маленькая. Я свои обязанности выполнила, и до свидания. Утром зарядила стиральную машину. Маша с бабушкой гулять отправились, села за компьютер: перевод у меня был большой, технический, ненавижу их. Звонок. Наталья Николаевна, директриса. «Рита, может, съездим в Шереметьево? Я бы за вами на машине заехала. А то как она там? С двумя детьми, без привычки». Я прямо разозлилась: «Да бросьте вы, что там с ними случится!» – «Ну, тогда я сама поеду». Ну, и, конечно, я устыдилась, и поехали мы с ней вместе. Пусть уж все как по маслу пойдет у детей в их новой жизни. По пути – пробки жуткие. Но я даже не переживала. Успеем – не успеем: какая разница? Ведь попрощались уже. Ну, опоздаем, так не на самолет же. Подъехали мы в результате где-то за час до отлета самолета. Ясное дело, что бесполезно, они наверняка уже багаж сдали, паспортный контроль прошли, и мы их больше не увидим. Но раз уж ехали... А вдруг? Читаю я по бумажке номер рейса, ищу на табло – нет! Быть того не может, не улетел ведь самолет на час раньше. Бегу в справочную. «Рейс такой-то? Да у вас время неправильно записано, он час назад улетел!» Джоселин такая пунктуальная, неужели спутала? Так, глядишь, она-таки на самолет опоздала и мечется где-нибудь неподалеку. Обалдела, видно, от всех этих хлопот и время перепутала. Эх, надо было мне билет ее посмотреть, все уточнить. Объясняем девушке в справочной ситуацию, она успокаивает: «Сейчас мы по компьютеру проверим, улетели они или нет». И спустя минуту радостно объявляет: «Зря волновались, улетела ваша Джоселин

¹ Honey, sweetheart (англ.) – голубушка.

Данн и Мария Данн вместе с ней». Я поворачиваюсь к директрисе – довольна, мол? А она баба настырная: «Их трое Даннов должно было лететь, третий у вас есть? Александр Данн?» Я думаю: «Ну чего ты лезешь, ну тебе же ясно сказали – улетели. Все. Домой надо ехать. Времени столько зря потеряли из-за ее добрых чувств». И вдруг слышим: «Нет, здесь только двое». Как в дурном сне.

Директриса начала, как бабка старая, причитать: «Ой, батюшки, где ж она его дела! Ой, чуяло мое сердце!» Я ей: «Вы что, Наталья Николаевна, триллеров насмотрелись? Думаете, съела Джоселин Сашу? Да просто не занесли его в компьютер – и все дела». – «Да, – отвечает, – за двадцать лет работы я таких триллеров насмотрелась, что весь род людской возненавидеть можно. Не знаю, как Господь Бог нас еще терпит». А девочка информационная тоже на меня обижается: «Как это не занесли в компьютер? Что вы такое говорите? Это исключено. Они же государственную границу пересекали!» И тут я забеспокоилась – и правда, куда мальчик девался? Девушка посоветовала к месту регистрации того рейса подойти, может, там помнят женщину с детьми. Или с девочкой? Мы бегом туда. И на наше счастье – просто-таки большое человеческое счастье, огромное и чистое, – увидели нашего Сашу. Вернее, сначала я зайца своего белого углядела. Мальчик сидел на большой дорожной сумке и прижимал к себе зайца, заслонялся им от всего.

– Сашенька, миленький, ты что же здесь сидишь? – довольно глупо спрашивает Наталья Николаевна.

– Маша с тетей – в туалете, – еле выговаривает мальчик.

Видно, долго-долго так просидел и уже совсем в себя ушел, оторванный от сестренки и от всего привычного.

Но как глубоко чувствует своим детским горемычным сердечком! Ведь раньше называл Джоселин «мама», а тут – «Маша с тетей». И мы видим, что вместе с зайцем он прижимает к себе конверт. Спрашиваем, что у него там.

– Билет... Не потерять... – лепечет. Никакого там, конечно, билета не было.

Документы его и записка печатными буквами: «Александр Саблин. Прошу доставить по адресу...» Адрес, ясное дело, детдомовский. Ты представляешь: «Прошу доставить»! Как вещь какую-то! А имя как написала! Александр... Торопилась, мразюга, на свой лад написала. Вообще-то она внимательная, тщательная, в спокойном состоянии такой ерундовой ошибки у нее бы не было.

Видишь, сделала как хотела. По-своему. Не допустила давления на себя. Планировала девочку – увезла девочку. А ненужного отвергла, обрубилa. Хирургическим методом. Отрезать и выбросить, что не нужно. А рана заживет.

Знаешь, чего стоило уговорить его ехать с нами? И самим не реветь, а быть спокойными, как будто все идет как надо. Даже не помню, что мы ему тогда плели, какую чушь. Едем в Москву, он сидит в машине между нами, задремал. Веки тоненькие, синенькие, ротик открыт, осунулся сразу весь, скулы обозначились. Дышит, не слышно как. Я даже несколько раз руку к его личику подносила, чтобы почувствовать теплое дыхание. Подъезжаем к моему дому, и я вдруг заявляю:

– Наталья Николаевна, я его к себе беру. Нельзя ему сейчас в детдом, он угаснет там один.

В общем, беру я сонного Сашу на руки, заваливаемся мы с ним домой. Машка счастлива: продолжение вчерашнего праздника. Мама моя в шоке. Ребенка уложили на Машин диванчик, спит беспробудно. А мы с Натальей решаем, что делать. Выцарапывать ли нам Сашину сестричку, жаловаться ли кому-то на Джоселин. Как вообще в этой ситуации поступать. И что сейчас делается с девочкой, обманутой, оторванной от брата. Она же привыкла о нем заботиться, прежде чем о себе. И как еще проявится железная воля и целеустремленность ее американской матери? Мне страшно делалось, когда я представляла Машу, понявшую, что ее братик брошен среди чужой толпы, а она ничем помочь не может. И не вырваться ей, не убежать. Летит...

Потом еще с Вадимом был разговор. Он добрый, ты же знаешь. Но когда я говорила, что давай, мол, еще ребенка родим, что Машке одной плохо, он всегда отказывался: «Ты пойми – сердце только одно. Не смогу я больше никого так любить, как Манюру». А тут я ему чужого, да с такой бедой. Я ему рассказываю, а он:

– Давай определимся, мы его как – на время или навсегда в дом берем? На время – слишком жестоко для него: сколько можно ребенка из рук в руки перекидывать, а навсегда – потянем ли мы? Прокормить – прокормим, не вопрос. А вопрос в том, что Машка и так на шее у твоей мамы в основном. Парня что – туда же? А парень-то не простой. Генетика – жестокая штука. Что с ним будет в пятнадцать-шестнадцать? Это знаешь какой сволочной у мужиков возраст? Он, может, в пропасть покатится и еще нашу Машку за собой прихватит.

Мама моя золотая выступает в своем репертуаре:

– Ничего, Вадим, моя шея выдержит, у ребенка такое горе. И что уж мы – такие порочные, что из маленького мальчика человека не сделаем?

А я мужа слушаю и во всем абсолютно соглашаюсь. Прав он. Мальчик мне уже чуть ли не генетическим монстром кажется, и хочется забрать его из Машкиной комнаты, чтобы чего не случилось... А мальчик спит с моим зайцем, синие веки его неподвижные, даже на свет из коридора не вздрогнули, и опять кажется, что не дышит. Настродался.

– Вадим, – говорю, – пусть за нас Господь Бог рассчитывает на такой долгий срок. И пусть он меня накажет, если я плохо поступаю. Давай ребенок останется с нами. А мы будем стараться, чтобы не в чем было себя упрекнуть...

...Ну что, хотела ты ситуацию – вот тебе ситуация. И хватит на сегодня. Вон, глянь, как на нас смотрят, как будто что-то понимают. Интонации, наверное, драматические угадывают. Залежались мы с тобой на этой жаре. Пойдем поплаваем.

Платье года

– Та-ак, началось. Теперь сосредоточься. Хотя первые две – смотреть нечего. Миланский вещевой рынок. Десять евро. Девчонки способные делали. Но нищие. Им бы хоть журналы мод поновее купить, в Лондон-Нью-Йорк-Париж слетать, по дорогим магазинам пошастать, на теток богатых посмотреть... И модели у них – никакие, куколки из толпы провинциальной...

– Ладно, не ворчи. Привел на праздник моды – давай смотреть. Мне как раз девочки понравились. Смазливенькие. Вполне.

– Это ты настоящих не видел. Настоящая выйдет – пойдет кино. Она просто движется, а ты книги старые вспомнишь, музыку, запахи, черно-белые пленки, давно забытые. Тебе будет интересно все про нее узнать, тайну какую-то ее разгадать. Хотя – предупреждаю – тайны никакой нет, на это не нарывайся. Лучше со стороны надеяться на тайну, воздухом – которым с ней вместе дышишь – хотеть вдохнуть.

– Ой-ой, бедолага. Кто ж это ее в стеклянные крылья одел. Ой, сейчас грохнется. Не крылья, а витражи из мотельного сортира.

– Да есть тут один. Пидорино горе из Чебоксар. Я тебе потом покажу его. Без слез не взглянешь. А девка сильна – протащила, на ногах устояла, орловский тяжеловоз.

– Жалко ее. Она под стеклом вся голая. Белая совсем. Хоть бы в солярии позагорала...

– Тихо-тихо. Вот. Идет. То самое. Чувствуешь? И неважно, кто, откуда, как зовут. Главное, что она есть. Она здесь – и мир меняется. В другое измерение попадаешь.

– Нормально ты рассказываешь. Но я еще не въезжаю. Хорошая, да только отстраненная какая-то слишком. Совсем уж не здесь.

– Это она в образе. То, что надо. Вживую – очень хороша. Вот как в кадре будет – запечатлется это на пленке, нет? Я потом ее попробую поснимать, овчинка стоит выделки. И ведь смотри – без макияжа совсем, интересно, кто визажист?

– Что, незнакомка? А говорил, всех здесь знаешь.

– Приятная неожиданность. Стоп! Вот идет старая любовь. Каталожная девочка. Все ее зовут, всем она нужна. Классная, а? Как смотрит! Будто у нее есть все. Все сокровища мира. Будто она столько такого знает!

– Да-а. Стоп-кадр. Подойдем потом к ней.

– Не-а. Тут уже – опоздал. Замужем эта сказка за крупнейшим зарубежным издателем. Она на этот показ из любви к искусству прилетела. Чисто по привычке. А ты думаешь, откуда у нее такой вид неземной? Хотя тут два варианта: у нищих тоже неземной вид бывает, но недолго, в период больших надежд, или потом уже у тех, кто, вознесшись... Ты глянь, глянь на ее плечи, на кисти рук – висят вдоль тела, а не синие с красными пупырями – ангел кушает хорошо и загорает в феврале где надо.

– Ты что меня сюда, как в кино, привел? Руками не трогать? Все ценности являются частной собственностью, что ли?

– Будет вам и белка, будет и свисток. Все еще только началось. Ты давай расслабься и получай удовольствие. Во – еще один праздник жизни идет. С большими запросами, но по сравнению с той – бледно, да? Аура не та. Ростов-папа. Пока молчит – ничего. Великая живопись Нидерландов. А поступь! Следы целовать хочется. Но в глазках проглядывает. Неуловимое что-то. Ну, а как общаться начнет, все проясняется. Вся родословная. Она как-то за меня замуж просилась, пару лет эгоу ², ребенка даже хотела оставить. Я ей говорю: «Нет, Наталка, тебе – только за иностранца. Я тебя недостойн. Что я тебе могу дать? Тебе ж не только деньги,

---

² Ago (англ.) – тому назад.

тебе любовь нужна, поклонение перед твоей нерукотворной красотой. Для нерусскоговорящего ты и будешь богиней. А меня – не замай».

– Ну-у, у тебя тут... ботанический сад! Ух, попрыгунья-стрекоза какая!

– Маленькая для модели. Метр семьдесят. Но взяли за стиль и задор. Есть, да? Видно, да? Ничего не боится. Акробатка. Сейчас кувырнется, смотри. В вечернем платье! А? Кто б еще смог? И в складках не запуталась. Легкая. Хохочет. Весна. Откуда это берется, куда девается? Ну, эта сильная, у этой надолго. В распыл не пойдет. Упрямая. На руках хочется носить, да?

– Веселая... Ну, и кто у нее? Миллионер? Звезда спорта? Президент сверхдержавы?

– Не понятно пока, что да как. Есть тут одна. Девушка Дина. Качок такой. Никого к ней не подпускает. Серьезно – морду может набить. Ревнивая. Но между ними ничего нет. Эта думает, что у нее просто верная подружка рядом. Она ж не знает, как эта подружка всех от нее отшивает. Она вся в тренировках, съемках, учебе. Тут мне жаловалась: «Вот ты меня на обложку снимаешь, а на самом деле я никому не нужна, ребята ко мне не подходят даже». Я ей: «Ты Дине своей скажи спасибо. Оглянись вокруг, глазки протри». Не разговаривает теперь со мной. Обида навек. А Дина ради нее жену свою, можно сказать, с которой три года прожила, которой с иглы соскочить помогла, бросила. Ушла, прямо скажем, в никуда, тут ведь неизвестно даже, отломится еще или нет. Любовь...

– А давай я этой Дине в рыло, а? Какую себе присмотрела!

– После, после. Все в твоих руках, как говорится. Только рылобитием тут вряд ли поможешь. Тут надо как-то по-умному. Может, наоборот, Динину бдительность усыпить, за ней самой ухаживать начать. Будешь такой конкретный Динин ухажер-дурачок, который ни о чем не догадывается, просто любит сильных тетенок. Сердце-то у нее все-таки женское. Расслабится. Ну, ты и сманеврируешь. Если только время будет возиться со всем этим.

– Да, тут не сериал, у меня счет на минуты идет. Я с удочкой часами у речки сидеть не могу и думать, на какую наживку золотая рыбка клюнет, – это только пять минут помечтать есть, когда под душем стоишь или зубы перед сном чистишь...

– А ты чистишь? Молоток! А я сразу – бамс – и вырубился. Вообще-то надо зубы беречь, это капитал. Кстати, глянь, глянь, какие беленькие зубки и черненькие глазки. Это я ее из Алма-Аты вытащил. Она там бухгалтером была. Представляешь – бухгалтер! Ее там каланчой дразнили. Сутулая вся ходила, стеснялась роста. Сейчас – смотри. Цветок какой! Долго здесь не засидится. Самый модный тип внешности.

– А я чего-то никак привыкнуть не могу. Не готов. Хотя что-то явно есть. Ого! А это чего? Парень или девка? Лысое чего-то идет, ноги кривые, кулаки мозолистые.

– Девка.

– Да ладно!

– Девка, точно тебе говорю. Альтернативная модель.

– Тьфу ты! Вот бы Дине той к этой, так сказать, девке и подкатиться. Были бы чудная пара.

– Как же, как же. У этой лысой потрясающий мужик. Как приклеенный за ней ходит. Она ему грубит, ему в кайф. Парадоксы личной жизни. Я ж тебе говорю: переключайся на экзотику.

– Не, чего-то пока не созрел.

– А вот – лохматенькая пошла. Не нравится? Клевенькая. Только безвольная сильно. С каждым может, и, знаешь, ляжешь с ней, а она: «Ой, не дави, мне тут больно». А в самый такой момент пропоеет: «Ну, ты все или нет, а то я устала». Как-то после повторять не тянет. А так – замечательный кадр. Готовит здорово. Всех кормит, сама не ест, растолстеть боится, так хоть посмотреть, как другие едят, любят...

– Чего-то я от них устал. Много слишком.

– Ну вот, здарсьте. А столько было задумано. А мне тут еще сидеть и сидеть. До самых призов.

– Ладно, седи, ты привычный. Потом доскажешь, кто тут у вас победил. У меня самолет в девять, не проспать бы.

– Ну, давай. Привет Шведрии. Позвони, как вернешься, чего-нибудь организуем.

Высокий, статный мужчина поднялся во весь рост в темноте следящего за подиумом зала и, не пригибаясь, не спеша, направился к выходу. Сидевшая по соседству девчонка даже не пикнула, когда он наступил ей на ногу. У нее только что сорвался грандиозный план знакомства с тем, кто сейчас равнодушно покидал шикарное представление. Сидели, обсуждали вешалок, явно искал себе кого-то. И вдруг – хоп-хоп – встал и ушел. Так делает только тот, кто все может. Тут чутье ее не подвело. Не надо было только телиться, до окончания показа ждать. Это ничего, что у нее метр шестьдесят пять и в модели ей не прорваться. Она все равно станет звездой покруче их всех. Главное – действовать. И не размениваться на мелочи. Сейчас главное сообразить – остаться ли с этим, фотографом, – он всех знает, от него будет прок, или бежать за тем, непонятным, но явно с большими возможностями. Да что тут думать! За ним! Этот-то никуда не денется, до конца будет сидеть.

На ходу, спотыкаясь о чужие ноги (навыков величественного безразличия пока не было), она успела как можно выше подтянуть резинку мужских трусов, чтобы над поясом невзрачных джинсов виднелась гордая надпись «Келвин Кляйн». Трусы – ее последний трофей на поле битвы с обстоятельствами жизни были добыты в шкафу одного придурка, решившего шумно и весело поприбавить свой день рождения...

Трусы, как ожидалось, и сразили пресыщенного богача.

– Извините, я вижу, вы покинули наше представление до его окончания. Я корреспондент журнала «Мир женщины». Мы – одни из организаторов этого конкурса. Позвольте задать вам несколько вопросов.

– Ну давай, чудо в перьях, спрашивай. (А глазки-то у нее – ничего, живенькие, и зубки – беленькие, и активная какая, быстрая, не скучная. Не то что эти, из Андрюхиного черно-белого кино.) – Валяй, задавай свои вопросы.

Чудо в перьях

А чего людей бояться? Большие, но медленные. Крыльев для улета в случае чего – нету. Прыгают грузно и низко. В высоту тяжелыми предметами бросаются лениво – вечный недолет. Бездарны по части сочувствия и понимания чужих мыслей и флюидов.

Некоторые даже готовы к дружбе и сотрудничеству. В смысле: едой, бывает, делятся. И даже радуются чужой радости. Коварны по-настоящему, профессионально, редко бывают, только по пьяни или по большой любви. Короче, приспособиться можно. Так старшие учили. И оказалось, что так и есть. Главное – дистанцироваться. Не принимать всерьез их беды и чаяния, в душу не пускать, не задруживаться. Типа: не верь, не бойся, не проси, а когда сами предложат и сами все дадут, подумай хорошенько, прежде чем брать и какаться на лету от счастья. Вдумайся просто: оно тебе надо? С чего-то вдруг сами предлагают и все дают? Может, не стоит и подлетать? Может, они от зависти? Тебе крылья даны, а им – голые лопатки без перьев, что они могут? Зато ты у них с ладони клюешь. Когда они предлагают.

Может, ну их совсем?

Может, и так. Однако есть еще такая штука – фатум. Она же рок. Она же судьба. И рок этот катится сам по себе, куда хочет. Надо – не надо. И мудрость предков бессильна. Это судьба распоряжается, какая трепетная птица будет без затей заглатывать, давясь, у помойки остатки человеческой жракалки и взлетать в случае чего на высокую тополиную ветку к сытым и довольным детям, а какая начнет искать выходы в иную реальность и завязывать на свою голову противоестественные контакты. Когда речь идет о судьбе, жаловаться облакам, выклеивать перья на груди и каркать до хрипоты – полная бессмыслица. Живи себе по-своему и радуйся, чему получается.

Она была ворона. Она любила экстрим и риск. Она видела мир с высоты. Ей нравилось жить. Ей было дано знать все про всех без слов и чтения мыслей. Ее влекли живые существа, непохожие на родных и близких.

Юность ее прошла в компании недомашних людей. Среди людей тоже есть такие. Неписывающиеся. Без места прописки. Их то есть как бы и нет. И при этом они вполне есть, и живут, как положено: хотят есть и спать, мерзнут на холоде, потеют, если жарко или когда больны, отправляют естественные потребности вплоть до секса, опасаются, сбиваются в стаи, чтобы выжить. Заводят друзей среди птиц, зверей и насекомых.

Тем летом несколько баклажанного цвета людей заселились за большой скамейкой на Петровском бульваре. Они там хорошо обжились, как вожди на дачах: скамейка под себя дождь не пропускала, спать сухо. Менты не лезли – им чего, из-под каждой лавки дерьмо выгребать? Им за это деньги не платят. Бутылки по всему бульвару: молодежь хорошо гуляет веснами. Денежкой одаривают не скупое, не замозолились еще юные души бытовыми склоками. Травка зеленеет. Деревья шебуршат листьями. Птицы выкрикивают что-то в адрес неба, слова разбираешь, если нутро окропить удастся. И никому, главное, ничего не должен. И сердце открыто для нормальных справедливых отношений.

А ворона как раз незадолго до этого родилась, научилась летать и сугубо интересовалась мироустройством, решая, кем быть. Люди влекли ее неприличием своей конституции, постоянством местопребывания, звуками голосов и еще чем-то необъяснимым. Может быть, подобное влечение было ее генетическим пороком, кто знает.

Так что они подружились. И довольно быстро. Подскамейные люди немедленно заметили стремящуюся к одомашниванию чернооую птицу и обрадовались. Торопливо стали делиться хлебом насущным. Рядом с домашним животным они казались себе более настоящими, не так безнадежно замкнутыми в своем изгнании.

– Цып-цып-цып! – звали они, подняв головы к ватным облакам, когда приходила пора утолять голод. – Гули-гули-гули!

Ворона стремительно подлетала. И чаще всего не одна.

– Прилетели, гуси-лебеди? – восхищались бескрылые. И немедленно кидали куски своей еды в сторону званных гостей.

Успокоенные едой, некоторые люди извлекали из себя протяжные звуки, непохожие на обычную деловую переключку.

– Дивлюсь я на нэбо, – запевал главный воронин друг высоким жалобным голосом. – Тай думку гадаю...

Ворона принималась неистово каркать от жалости, чуя его неподдельную тоску. Друг постигал, что ворона сочувствует и переживает. Рыдая, он спрашивал вешую птицу:

– Чому я нэ сокил, чому нэ летаю?

Она понимала его стремление к небу и невозможность осуществления этого порыва.

Однажды, чтобы утолить скорбь поющего, она притащила ему подарок: бублик. Исхитрилась цапнуть у булочной, когда разгружали. Летела трудно: низко, с передышками. Бескрылая компания оценила. Гляди-ка! У них теперь своя птица ручная. Не курица, не попугай. Ворона! Самое то!

Однако ворона не была ручной. Она стремилась к равноправной дружбе без позорного покровительства, когда каждый вносит свою посильную и честную лепту. Дарила, что получалось: то пеленку, трепыхавшуюся на балконе, то шпильку, затоптанную в грязь, то кусок блестящей шоколадной фольги. Труднее всего доставалось съестное, но и тут делилась по-честному. Раз исхитрилась выключнуть у пьяного дядьки, вздремнувшего на бульварном солнышке, кошелек, глупо высунувшийся из кармана. Кошелек ее друзья испугались, тут же забросили подальше. Но деньги – денежки не пахнут – спасибо, подруга, молодец, ястребок. Любили они ее. «Цены тебе нет», – говорили.

Так прошло много времени. Лето. Осень. С холодами друзья исчезли из-под скамейки.

Наступила великая скука. Зима. Развлечений не осталось: один быт.

Следующая весна подарила вороне любовь и круговерть материнских забот. Она не зря приобретала добытчицкий опыт, пригодилось. Упитанные и активные, дети ее раньше других наладились летать, покинули родное гнездо.

Ворона вновь открылась радостям жизни: гонялась за кошками, дразнила бульварных прохожих невиданной дерзостью, планируя над головами, будто выбирая место посадки.

– Крадись-крадись-крадись-кради! – повторяли ей прописные вороны истины рассудительные подруги, не в силах спокойно наблюдать рискованные выкрутасы, – иначе – крах! крах! крах! Кара-кара-кара!

Но благоразумные предупреждения обладают парадоксальным действием, мобилизуя смельчаков на поиски все большей остроты ощущений. Разве в момент лихого разгула кто-то станет вспоминать, что опыт – сын ошибок трудных?

Не надо было ввязываться в смертельную драку чужих нетрезвых людей. Она даже не была ни на чьей стороне. Просто возбуждал хаос. Злые запахи. Вот и носилась как черная оперенная стрела в опасной близости от всего этого безобразия. Бой колотился всерьез: участники забыли шадить собственные жизни. Легкомысленным шутникам не место в серьезной компании.

– Кровь! Кровь! – пророчили с далекой высоты вороны.

Кррак!

И наступил крах. Подкралась кара.

Она не сразу про себя поняла. Лежала на земле распростертая. В сумерках и не разберешь – то ли тряпки кусок ветром под скамью забило, то ли пакет магазинный пустой. Потусторонняя тишина – ни машин, ни людей, ни птиц. Никаких желаний.

– Чего было-то? – вяло спросила она у окружающей среды.

Но ответа не дождалась. Свидетелей беды не осталось ни одного – кому это надо. Ну, махали руками, пинались, ну, шибанули по ходу дела какую-то бесформенную дрянь, клонуть норовившую кого ни попадя, – всего и делов!

Состояние организма подсказывало: если это не конец, то он уже близок. Более чем. Жаль только, что рассудок постепенно прояснялся: в беспамятстве умирать не так обидно. Вот уже возникли звуки, зашелестела трава, слабо вякнула брошенная в урну жестяная банка. Пришлось заняться подсчетом ран. Ноги шевелились так: одна чуть-чуть, другая вообще не могла. Крыло невозможно было заставить сложиться должным образом: валялось на отлете как неродное.

«Чому я не сокил?» – вспомнила птица жалобы бездомного друга. Она попробовала крикнуть истошно, чтоб поведать о своей беде, но голоса не было вообще – весь вышел в дурацком мероприятии.

– Ка – фка... – выдулись бессмысленные звуки вместо крика о помощи.

Одна была надежда: страдания не длятся вечно. С этим пришлось уснуть.

Подкралось утро. Начался свет. Жизнь не прекратилась. Все вокруг, за исключением вороны, искрилось здоровой бодростью. К самому ее глазу деловито подбежал расторопный муравей, соображая, с чего начать, – словно она была уже добычей смерти.

– Кыш, – шикнула ворона. Муравей нехотя отошел.

И в этот именно миг страница ее жизни перевернулась, начался новый отсчет. Другое измерение.

Кто-то очень большой, заслонивший безжалостный свет, осторожно дышал на нее чистым и теплым дыханием.

– Спасена, – поняла ворона и позволила себе расслабиться и обмякнуть, теряя сознание.

А нашла ее большая собака по имени Варя. По случаю воскресенья ее повели гулять не во двор, а на бульвар.

– Фу, – сказал хозяин, – брось, Варя. Дохлая птица.

Варя не отходила, показывая глазами на страдалицу: «Надо помочь».

– Ну, дохлая же, ну смотри, – доказывал свое главный человек Вариной жизни.

Варя не двигалась.

Тут и хозяйка подошла. Она Варю сильно жалела: пару дней назад забрали у собаки последнего ребенка, девочку, писаную красавицу. Может, рановато. Побыли бы подольше вместе, надоели бы друг дружке, стали бы цапаться по пустякам, тогда разлука в облегчение. А тут... Варя есть перестала. Куксится. Гуляет понуро. Дома ляжет и смотрит неотрывно. Нечем ее отвлечь.

Варя тихо заскулила, как над щенком.

– Дохлатину какую-то нашла, не оторвешь, – пояснил хозяин, закуливший сигарету, чтобы пережить Варин каприз было не так скучно.

– Почему сразу «дохлатину»? Может, живая? А, Варя?

Варя впервые за то время, что ее лишили детей, прямо взглянула на хозяйку.

– Варя говорит – живая.

Женщина присела и услышала, как из обморочной груди вороны раздается бессознательный храп.

– Живая! – подтвердила она. – Дышит, слышно как.

– И чего теперь?

– Ну, домой отнесем, посмотрим...

– Да она по-любому не жилец на этом свете. Глянь, как лежит. Дома отдаст концы, девчонки месяц реветь будут. Пойдем, ну...

Варя стояла как вкопанная.

– Вот как мы ее понесем, она ж вся переломанная? – спросил у Вари хозяин.

– На картонке. На жестком надо, – обрадовалась его жена. – Чтоб не повредить ничего.

Пока они искали картонку, Варя напряженно караулила свою находку. Она вновь обрела душевное равновесие и силу. Ей было кого жалеть, маленького и слабого.

Неусыпно оберегаемая Варей ворона пришла в себя на кухонном столе большого человеческого жилища. За свою жизнь кухню она этих нагладелась – не сосчитать. Снаружи. С уличных подоконников. Тянуло посмотреть из любопытства. А сейчас внутри – и все равно.

Какой-то человек, пахнувший аптекой и звериными муками, говорил что-то ласковое, как те, давние знакомцы, укрепляя попутно на ее ноге твердый, неизвестного назначения предмет.

Крыло уже было зафиксировано неподвижно и не пугало своей отчужденностью от остального тела.

– Ну, матушка, скажи Варе спасибо. Спасительница твоя. Ну, давай встанем попробуем.

Варино дыхание витало рядом. Ворона стояла, глядя в светящиеся внимательные собачьи глаза. В сердце ее заколотилась беспримерная любовь. Варя сияла ответной нежностью.

– Помирать нам рановато, – пообещал доктор. – Нормальная здоровая, боевая птица. Оклемается быстро. Жить будет долго и счастливо.

Так и вышло, как сказал ученый лекарь. Иначе и быть не могло. Потому что любовь творит чудеса. Тем более взаимная.

Они великолепно жили вместе: ворона, Варя и четыре человека еще. Из людей каждый был хорош по-своему. Хозяин – самый сильный. Но ворону почему-то боялся. Поэтому с ним интересно было играть – пугать, задирать, вытаскивать еду из тарелки. Ворона, как только крыло срослось, постоянно повторяла одно и то же. Вот выйдет хозяин на кухню, оглядится – нет никого. (Никого – это вороны, конечно.) Сядет за стол, а она тихими шажками – туп-туп-туп – и уже у его стула. А он как раз расслабился, ест. Она – поррр-х! И у него на голове. Как цирковой гимнаст. Всем смешно. А он напуган: опять ты со своими шутками!

С женщиной хорошо было дружить по хозяйству. Она вороны не боялась вообще, говорила с ней обо всем, пока занималась домашними делами. Ворона слушала то одним ухом, то другим, головой кивала. Хозяйка попутно подкидывала ей вкусные кусочки. Ворона подтаскивала упавшие ложки и другие запропащившиеся предметы. Душа в душу у них выходило.

Девочки играли с вороной в дочки-матери: сажали в кукольную коляску, повязывали на черноперую голову платочек и гуляли по коридору, баюкали свою деточку: аа-а, аа-а, на подушке голова, голова-головушка, спи моя соловушка... Ворона сидела в коляске, как в гнезде, зыблемом ветром. Потом, уступая правилам игры, валилась на подушку, закрывала глаза.

– Т-с-с-с! Спит, – склонялись над ней две доверчивые ясноглазые головки.

– Кар! – тихо, чтоб не напугать детей, предупреждала птица.

И маленькие заботливые матери вновь принимались за вечное материнское дело – баюкали свою общую дочку.

Но главным в жизни вороны была Варя. После всех дневных хлопот и игр Варя вылизывала свое чад с растрепанной головы до хвостовых перьев. Спать укладывались вместе – ворона мостила под мягкой Вариной бородкой, чтобы вбирать в себя покой материнского сна. У птицы был свой дом – большая клетка на шкафу в детской, но туда она залетала только от большой обиды. На Варю. Если та обращала внимание на посторонних.

– Варррр-ря! Каррррр-раул! – стыдила ворона, и если Варя немедленно не подбегала к ней нянчиться, ревновала как страдалец Отелло свою безгрешную Дездемону.

Гуляли они только вместе: ворона цепко держала Варю за ошейник и распускала крылья, если собака принималась бегать. Скорость получалась исключительная. Народ расступался, пугаясь птеродактиля.

Иногда ворона капризно проверяла крепость Вариного чувства. Она взлетала на дерево и смотрела, что будет. Варя поднимала голову, отыскивая взглядом трепещущую ветку. Потом ложилась меж могучих выпирающих корней, ждала.

Первое испытание длилось слишком долго для людей.

– Ну пойдем, Варя, – горько вздохнул хозяин после получасового ожидания. – Пойдем. Вольная птица. Улетела. Правильно. Дома рев будет.

Варя и ухом не повела.

– А... ну, тебе видней. Ждем.

Ворона мягко спланировала на ошейник.

Варя поднялась, отряхнулась и с достоинством повела своих домочадцев под родной кров.

Такие испытания ворона устраивала в исключительно редких случаях: после прихода к Варе парикмахера, когда собака не откликалась на предупреждающие вопли да еще и хвостом виляла чужому с острыми железяками в руках. Или если гулять уходила без птицы (были пару раз такие происшествия, так до конца и не понятые).

Прошло несколько лет. Река времени течет незаметно, бесшумно. Девочки почти сравнялись ростом с матерью. Волосы хозяина начали менять цвет. Но семейная жизнь тем и хороша, что поверхностные перемены с близкого расстояния не воспринимаются. Особенно если повседневный уклад устоялся прочно. А жизненными переверотами руководит судьба.

Как-то решили, что хватит Варе скучать и почему бы ей не стать снова матерью. Получить новый импульс. Обновить организм. Ну, и повели в нужный момент встречаться с отцом тех, отнятых до времени детей. Этому отцу вообще не доставалось негативных впечатлений. Крепкий убежденный оптимист. На Варю его запах навел тоску, поднял со дна памяти печаль и тревогу. Хотя они даже поцеловались и побегали вместе. И все такое. Но что-то не случилось, пошло не так.

Сначала, правда, все развивалось как полагается, живот рос. Поговаривали, что вот Варя родит, и одного малыша, самого-самого, оставят при матери насовсем. Придумывали имена новым ребятам-собакам.

Но потом заметили отклонения от прошлого раза. И вызвали на всякий случай доктора. Того, спасителя. И Варя, и ворона не опасались его. Видели его доброту и стремление быстро помочь.

Только день визита был неудачный. Плохой день. Доктор усыплял ротвейлера. Здорового, нестарого парня. Его хозяева уехали насовсем туда, где нельзя с собаками. Они, правда, долго искали, чтобы отдать своего умнящего верного пса в хорошие руки. Однако хорошие руки не справились с отчуждением сильного зверя, уверенного, что он был хитростью уведен этими доброхотами от своих, которые теперь мечутся и рвутся, как он, у чужих дверей. Он выл и рычал на обитателей, ничего не ел и наводил страх глубиной своего отчаяния. Попытались перетерпеть. Детей увели пожить к бабушке – от греха подальше. Уговаривали. Он выл и гадил, где мог, по квартире. Мстил.

Наконец терпение лопнуло.

Приводить в исполнение приговор должен был доктор. Он в звериные врачи пошел по большой любви и интересу ко всему живому. И не собирался никого умерщвлять в угоду всяким идиотам. Но любая профессиональная деятельность связана не только с радостями, но и с муками.

Пес смотрел на человека со шприцем, все зная. Он был не против. Он устал.

А потом врач в тесном облаке собачьей смерти пошел осматривать Варю.

Он только в подъезд вошел, а ворона уже была уверена, что к Варе приближается что-то ужасное. Она стала кричать и биться на кухне, куда ее заблаговременно изолировали, чтоб не дурила во время медосмотра.

– Варя – Варя – Варя!!! – предупреждала она беспомощную свою любовь, долбя стены клювом и бросаясь на них слишком легким телом.

Осмотр был недолгим и не причинил Варе беспокойства. Ложная беременность – и все дела.

И вдруг заметили невозможную тишину. И побежали впустить птицу к Варе. Она лежала на каменном полу, как тогда, у бульварной скамейки. Но оживить ее было нельзя. Сердце остановилось.

– Это я виноват, – сказал доктор. – Я принес с собой последний страх. Эти птицы все знают... Одно за другим, одно за другим...

Так кончается эта история. И только не надо говорить, что она тяжелая. И всплакивать в конце. И даже чтоб просто в носу щекотало.

Мало, что ли, этого добра вокруг? Ворон. Собак. Людей...

Елка

У них была нормальная семья. Вполне полная. Она и дочь. С мужем у Али как-то не заладилось сразу после рождения Витуты. Наверное, внутренний ребенок, который, оказывается, гнездится в душе каждого взрослого, заставил большого и вроде бы сильного мужика ревновать жену к собственной новорожденной дочери. Муж, скорее всего, не дозрел до отцовства и не приходил в восторг от сладких мелочей, которыми теперь восторгалась еще недавно всецело принадлежавшая ему юная женщина.

– Ну, подумаешь, стала держать головку. Ну, подумаешь, научилась пить сок из ложечки...

Все это было скучно и бесперспективно. Он себе любви хотел, когда женился. Себе заботы. Себе верности. А тут вдруг стал крайним: подай то, принеси это. Вполне можно расценить как предательство и покинуть зону отчуждения с чистой совестью. Алименты платил исправно, но никогда не навещался к тем, кто заставил его чувствовать себя несчастным и брошенным.

У нее тоже были основания считать себя преданной. Она же рожала ребенка от собственного мужа, не от случайного залета. Верила в надежность их любви, ведь три года уже были вместе, когда встал вопрос о ребенке. Да, собственно, что такое «встал вопрос»? Забылись во время отдыха, дни свои она не так посчитала, что ли, ну и забеременела. А почему бы и нет? Если так хорошо вместе. Если есть, где жить, есть работа, есть силы, любовь. У всех, в конце концов, рождаются дети.

Но он с заметным ужасом отвращения прикасался к ней беременной. А после родов и вовсе изменился. Знать бы ей, что это ревность! Можно было найти тысячу способов убедить мужа, что он для нее главнее всего. Но для этого нужна была мудрость, знание жизни, вера в себя, наконец.

Однако молодые женщины чаще всего мечутся по жизни впотьмах, руководствуясь обрывочными сведениями, полученными от заматанных бытовой рутинной матерей, идиотскими советами женских журналов и беспомощным лепетом подруг. Все они очень хорошо знают, каким должен быть настоящий мужчина, и, чуть что, упрекают своего спутника жизни в ненастоящести. При этом настоящего никто никогда не видел, и где находится эталон неизвестно.

Удивительно, что мужчины в этом отношении гораздо терпимее и не требуют от своих подруг доказательств их подлинности как женщин. Так уж они устроены: или желают свою спутницу – или нет. У них по-честному.

Женщина, переставшая быть желанной, не способна к анализу причин краха отношений, еще недавно казавшихся вечными и незыблемыми. Она только подбирает слова: предал, бросил, подонок, подлец, эгоист. И крепчает и закаляется в гордом одиночестве. Потому что даже вдвоем с ребенком – одиночество. И полное погружение в любимую работу – одиночество. И поездки в выходные в гости к такой же, как сама, подруге с сынишкой – одиночество.

Оно коварно. Оно нашептывает: ты сильная, ты можешь одна. Ты вырастишь дочь, и у нее все будет не хуже, чем у других. Лучше. Намного лучше. Потому что и дочь лучше других. Гораздо. Ей не повезло с отцом. Ничего. Зато с матерью – повезло. У нее будет все, потому что она способная, умная и красивая. Добрая и обаятельная. Лучшая мамина подруга и советчица.

Одиночество научит гордыне. Одиночество отучит терпеть естественные недостатки другого человека. Одиночество приспособит душу лениться, ибо общение – серьезный труд, сочувствие – подвиг, на который вряд ли станет способен тот, кто с головой погрузился в себя.

Миновали ожесточенно-неопределенные годы раннего Витутинского детства. Переболели, какими положено, болезнями. Поизнуряли себя поездками в какие положено кружки и спор-

тивные секции. Приспособились к бессмысленно жестоким требованиям спецшколы. Вышли на нужных репетиторов. Поступили в университет.

За это же самое время защитили мамину кандидатскую, выпустили монографии, подготовили докторскую.

Аля привыкла рассуждать о себе и о дочери во множественном числе: мы сдали выпускные, мы прошли ученый совет. У них все общее. Хотя все Витутино – важнее.

Девочка вышла такая, как мечталось. Вита – жизнь. Витутой ее в младенчестве дачная хозяйка в Паланге называла. Так и пристало это имя.

Жизненные силы переполняли Витуту. Она все могла, и ничего ей не было трудно. Одно только казалось непостижимым: что за зверь такой – мужчина? Как с ним управляться? Она никогда не жила с мужчиной под одной крышей. Кратковременные дедушкины визиты в раннем детстве в счет не идут. От матери к девочке передалось недоверие к существам противоположного пола. Они с матерью не могли бы считаться настоящими подругами, если бы та не рассказала все про внезапное предательство и безответственность Витутино отца, которого дочь не могла ни простить, ни понять: оставить такую безупречно-прекрасную женщину мог действительно только законченный негодяй.

И все же ее тянуло к этим неведомым существам, от них исходило обещание какой-то совсем иной жизни – настоящей.

С недавних пор к Витуте пришло понимание, что их с мамой жизнь – нечто не совсем подлинное, как бы ущербное.

Выросшая в атмосфере поклонения и полной самоотдачи матери, Витута привыкла воспринимать любовь извне и даже награждать любящего человека ответными ласками. Но сама любить она не умела. Пока.

Огромное жизнелюбие, темперамент, любовь к самой себе – все это привлекало к ней необыкновенно. И она играла молодыми людьми, как кошечка с пойманной мышкой.

Аля любила это ее особое выражение лица – охотничье. Внешнее безразличие и даже некая апатия притягивали очередную жертву. Витуте самое главное было – услышать объяснение в любви. Напитаться силой отчаянного мужского чувства. Увидеть, как покоряется большой, непонятный, чужой. Ей ничего больше нужно не было.

Они вечерами болтали о Витутиных поклонниках: о тех, кого пора уже было отшивать из-за слишком большой настойчивости, и тех, кого интересно бы одолеть.

Какая-то веселая пошла у Али жизнь, молодая. Звонки постоянные. Голоса мужские ее с дочерью путают. Начинают ласково курлыкать в трубку всякую чепуху:

– Алло, Витутик, ну чего мы такой печальный? Один дома, а? Давай я приеду? Чего тебе привезти?

– Я не один дома и не печальный, и не Витутик, – отвечает, давась от смеха, Аля.

И радуется смущенному восклицанию о ее молодом голосе и сходстве с дочкой. И тут только начинает потихонечку догадываться, что если кто-то невидимый удивляется ее молодому голосу, то, стало быть, ее молодость уже в расчет не принимается. Она вроде бы считается уже ушедшей, ее так и не начавшаяся, между прочим, молодость.

Время, конечно, меняло ее лицо, делая его серьезно-взрослым. Но чтобы измениться внутри, надо приобрести какой-то опыт человеческих взаимоотношений, взять на себя ответственность не только за часть себя – собственную дочь, а за совершенно чужого человека, который мог бы стать самым близким, но мог бы и нанести страшный удар, чего она больше всего и опасалась. И что в итоге? Сидит глубоко в душе запрятанная девочка, так и не прожившая свою женскую жизнь, не навлюблявшаяся как следует, не нацелованная до полного изнеможе-

ния. Сидит в оболочке такой «рабочей лошадки», порядком объезженной жизненными обстоятельствами и трудами праведными во благо дочери.

А дочь – удалая охотница все реже бывает вечерами дома. И хотя Аля знает, где она и с кем, и в любой момент может отзвонить чаду на мобильный, чтобы удостовериться в полной ее сохранности, нет в ее душе покоя и радости.

И именно в такой поворотный момент – от радости счастливой слиянности с выросшей дочерью к осознанию неминуемой с ней раздельности – что-то новое появляется в ее собственной жизни.

Он пришел на кафедру, чтобы поговорить о том, что его интересовало. С ее монографией в кармане куртки. Спросил у Али, где можно найти такую-то – вытащил книгу из кармана, подчеркнул пальцем фамилию.

– Уже нашли. Это я, – торопливо ответила собравшаяся убежать на лекцию Аля.

– Вы?! – потрясенно переспросил молодой человек. – Я думал – она старая, мудрая такая профессора.

– А я и есть старая и мудрая. Ну, давайте ваши вопросы, времени нет совсем.

Ему надо было поговорить обстоятельно, не спеша. Назначили встречу на следующей неделе. Собеседник оказался интересным. Шесть лет, как закончил университет, теперь представитель конкурирующей фирмы. Работает успешно. Хочет в аспирантуру. Под ее руководство. Нарботано много, статьи есть. Кто ж от такого аспиранта откажется? И столько общего с ней! В одном направлении мысли идут.

Он, разумеется, поступил. Работать стал истово. Вышел на идеи, полностью идущие вразрез с общекафедральными установками. Аля понимала, что он прав. Она давно подошла к подобным выводам, но не хотелось трудностей с докторской, поэтому пока отмалчивалась, концептуальных революций не затевала.

– Вы подождите пока, Олег, не будьте экстремистом. Вот защититесь, тогда...

И вспомнила, как перед вступительными экзаменами в институт спросила что-то на консультации и вслух удивилась абсурдности ответа.

– Да, это абсурд, – подтвердила преподавательница, – но на экзамене советую произнести этот абсурд, а потом уже, поступив, вы обретете свободу этот абсурд ниспровергнуть.

Но даже подойдя к защите докторской, не решилась Аля стать ниспровергателем: ей всегда было что терять и во имя чего подниматься к вершинам премудрости.

Олег упорно не желал впитывать положительный житейский опыт. Как-то в пылу спора он случайно перешел на «ты», обмолвившись:

– Для меня дело не в защите, я на хлеб и так зарабатываю. То, что я говорю, на сегодняшний момент – истина, да и в твоей книге – о том же, только намеками, понимай, кто умный.

Он даже не заметил оговорки. А с ней – как в кино – произошли мгновенные изменения. После этих его слов «в твоей книге» она словно бы отодвинулась от него далеко-далеко и вгляделась внимательно: перед ней сидел мужчина. Не очередной робкий ученичок, не смеющийся слова поперек сказать, и не трусоватый эгоист, как тот, что оказался способным оставить жену с грудным ребенком. Вот мужчина другой генерации. Твердо стоящий на ногах и уважающий себя за дело. И мужчине этому двадцать девять лет. А ей – сорок один. И у нее восемнадцатилетняя дочь. Поезд уходит. Но почему тогда возникает отчаянное – до слез – желание чувствовать себя женщиной, любимой, желанной, ведомой, покорной. И откуда это стремление прожить наконец не прожитую по трусости молодость – беззаботную, веселую, нежную, добрую, какой нет и не может быть в по-настоящему молодые годы из-за кучи тревожащих душу проблем, на поверку оказывающихся пустяками.

Она не спала ночь. «В твоей книге... в твоей книге»... Она хотела, чтобы это «ты» не было оговоркой, хотела услышать его голос. Пусть он просто позвонит. Пусть на «вы». Пусть о научной чепухе. Но он. Ей. Пусть.

Он и позвонил, как только настало утро. Хотя было воскресенье и по выходным научные руководители не консультируют аспирантов.

– Я, знаете, все ждал, когда утро настанет, чтобы позвонить вам, – честно сказал он.

– Я тоже ждала, – бесстрашно призналась она.

– Тогда пойдемте в музей.

– Тогда пойдемте.

И в Пушкинском, проходя по залам мимо греческих богов, мимо знакомых с детства картин, они говорили, говорили, говорили. Будто впервые увиделись. О детских снах и страхах. О том, кто что любит. О зиме и лете. О море и реке. О солнце и дожде.

Только вернувшись, Аля вспомнила, что Витута вроде бы не ночевала дома. Но как-то спокойно вспомнила, без паники. Ну, не ночевала дома взрослая девочка. А я и не заметила!

Боже, какое счастье! Все-таки это со мной случилось!

Все прежнее отошло в тень. Началась ее собственная жизнь. Сейчас она состояла из ожиданий встреч и ожиданий звонков. Встречи и звонки – это было полное счастье. Ожидание – беспредельное мучение. Все вместе составляло новую реальность.

Аля училась быть женщиной. Приглядывалась к Витуте по-новому. Оказывается, та знала, как правильно одеться, какая прическа молодит, а какая старит, что надо есть, чтобы не толстеть, и как накраситься по-хитрому: чтобы никто не заметил макияжа, а просто удивлялся твоему свежему сиянию.

Ей ничего не понадобилось объяснять про них с Олегом: умная девочка все поняла и приняла просто и естественно. Вполне можно было сказать, что она подружилась с маминым другом – так, неопасно подружилась, общалась, как с приемлемым взрослым, доверяя материнскому вкусу.

Иногда, критически глядя на Алю, Витута выдавала ценные объективные рекомендации, которым, как показывал дальнейший опыт, стоило следовать неукоснительно, но которые при этом безжалостно обозначали возрастную дистанцию между матерью и ее долгожданной любовью:

– Нет, мам, ты в этих очках с Олегом не ходи. В таких уже никто не ходит. Лучше линзы.

Аля покорно заказывала линзы. Олег восхищался ее молодостью и удивлялся, почему это раньше она все в очках да в очках...

– Что ты все время в этом пиджаке ходишь, как заслуженная учительница! – возмущалась Витута.

И правда: столько лет все в одном и одном, да еще радовалась – удачный какой пиджачок попался, и не мнется, и стройнит. Немедленно покупался свитерок, как у дочери.

Одного только и боялась она: как бы до времени не узнали на кафедре. Тогда с докторской ее точно прокатят. Пока она была одинокая мать, бьющаяся, чтобы поднять ребенка, и при этом всецело отдающаяся работе, завидовать было нечему. Ей даже помочь старались.

Но радостная роль счастливой любовницы молодого аспиранта... Б-р-р... даже подумать страшно, что начнется и какие серьезные недочеты обнаружатся в ее научном труде...

На кафедре она появлялась в привычном пиджачке, старящих ее очках. Олег правильно понимал причины этого маскарада. Он тоже должен был решать свои непростые проблемы. Его преклонных лет родители суровели с каждым прожитым годом, не собираясь делить единственного сына ни с кем извне. Он не раз порывался купить себе собственное жилье, да так и не решился из сострадания к своим старикам, не представляющим жизни отдельно от сыновней.

Время шло. Они сближались все теснее. По большей части Олег ночевал у Али. К командировкам сына родители привыкли давно и пережить отсутствие такого рода могли вполне – надо так надо.

Аля боялась привыкнуть к тому, что ее балуют подарками, деньгами, которые Олег приказывал тратить, не считая: еще будут. Все-таки привыкла. И настоящего стало мало, мечталось о будущем. Вот бы пожениться. Она еще успеет родить и вырастить сына. Девочку не хотела: лучше Витуты все равно не будет.

Но не самой же предлагать руку и сердце. Да еще с такими препятствиями, как ее докторская и его родители.

Морозным снежным декабрьским вечером все произошло само собой. Не так, как мечталось, но все же...

Аля пошла проводить Олега до метро: остаться не мог, прихварывала мать. Все в этот день шло наперекосяк: машина у него не завелась, после работы добирался к ней в час пик общественным транспортом, пробыл совсем чуть-чуть и засобиравшись к неведомой разлучнице-матери, не понимая, как в эти темные длинные вечера он нужен здесь. До метро шли молча, даже не под руки: оба забыли перед выходом перчатки, и оказался повод показать раздражение, не развивая его в дальнейшую ссору: идти, сунув руки в карманы, сосредоточенно глядя под ноги, чтобы не поскользнуться на ледяной колдобине. Так бы и идти. И попрощаться сухо у метро, но в самом людном и светлом месте он остановился, развернул лицом к себе, провел пальцем по ее губам, очертив их линию, нагнулся и поцеловал, долго-долго.

Очнувшись, Аля столкнулась глазами с женщиной, пристально на нее глядящей. И в ту же секунду узнала ее, но не нашла в себе решимости хотя бы кивнуть.

Попалась! Она все-таки попалась! Узнала ее эта кафедральная крыса. И ведь никогда раньше с ней здесь не встречалась! Головокружение от поцелуя мгновенно улетучилось. Аля крепко стояла обеими ногами на твердой почве тоскливой зимней Москвы. Оставалась одна надежда: в целовавшем Алю мужчине кафедральная карга могла не признать их же аспиранта.

– Да наплевать, – засмеялся Олег, – пусть узнала. Все равно скоро поженемся. Ты не против? – он смотрел с улыбкой, сверху вниз, как взрослый на маленькую.

Она потянулась к нему, обняла, мороз щипал руки, и было действительно наплевать на все, кроме них и кроме тех слов, что он произнес. Эти слова все звучали и звучали в ней всю ночь. Всю ту одинокую, бессонную ночь.

Они так решили: раз скоро Новый год, пусть будет двойной праздник. Устроить помолвку в Новый год, отпраздновать вместе с родителями. Почему обязательно ждать сопротивления с их стороны? Может, они как раз обрадуются их счастью. Ведь перед ними открывается будущее их сына, у них наконец, вполне возможно, появится внук...

Аля нашла небывалую елку: такие же точно голубые красавицы росли у Кремлевской стены. Стоило это чудо целое состояние – плевать! Витута впервые отказалась встречать Новый год дома – плевать! И на многочасовые хлопоты у плиты – плевать! Все равно она была веселой и молодой. Любила весь мир, кто сможет устоять перед силой ее любви? Родители на то и родители, чтобы первыми почувствовать, любят их сына или притворяются ради незнамо какой выгоды.

На звонок в дверь она летела, готовая обнять тех, кто создал это чудо – ее будущего мужа, готовая любить и жалеть.

На пороге стоял Олег с нестарой, приземистой, квадратной женщиной, широко улыбающейся накрашенным ртом.

– Знакомься, Алечка, это моя тетя Лида.

– Отца его сестра, – добавила гостя, обнимая разгоряченную Алю.

– А где?...

– А дома остались, – в тон ей ответила тетя Лида. – Принципиальные они у нас, заранее, за год приглашение надо было высылать по спецпочте.

– Ну, видишь, не пришли пока. Не ожидали от меня, что жениться надумаю, – объяснил Олег, внося в комнату сумки с шампанским, подарками ей и Витуте и всякой ненужной теперь снедью.

Тетя Лида заглянула только на помолвку и проводы уходящего года. Жила-то, оказывается, на соседней улице – мир тесен. Шумная, бесцеремонная, уютная – своя, она восхищалась Алиной стряпней, квартирой, прической. От елки в исступление пришла: где такие берутся?

В десять открыли шампанское, и Лида – на правах старшей – напутствовала:

– Ваше здоровье, молодые! Все у вас будет хорошо, Алечка и Олежка, я это вижу. Берегите друг друга. На стариков не обижайтесь, созреют, стерпятся. А я вас благословляю! Целуйтесь теперь, мои голуби, весь Новый год, чтоб потом все двенадцать месяцев в любви пролетели. А я полетела к своим, заждались меня.

В коридоре, прощаясь, Лида шепнула Але:

– А ты сама свекру со свекровью позвони, не гордись. Вон они тебе какого сокола отдают. Звони, говори с ними, пусть успокоятся, поверят, что в хорошие руки сын попал, что их не обидишь, уважаешь. Помоги им себя пересилить.

Но где там – помогать кому-то пересиливать себя, если всю жизнь прожила с неуязвленной гордостью.

Аля зашла в пустую Витутину комнату, вдохнула запах дочкиных духов, витавший среди разбросанных в сборах вещичек: где теперь ее девочка? Как хорошо они вдвоем встречали Новый год раньше, елку вместе наряжали, целовали друг друга под бой курантов, ждали обе счастья, а на самом деле как были счастливы тогда! Давно они не болтали, обнявшись, общей их жизни почти не осталось! Выросла! Выпорхнула из гнездышка! Пока она занималась собой, своей любовью, ее девочка перестала в ней нуждаться.

Дочка – вот ее единственная любовь! Не иллюзии надо строить, а беречь то, что есть.

Но Олег не был иллюзией. Он увел ее из темной Витутиной комнаты в их праздничную, пахнущую елкой и мандаринами, и они все не могли нацеловаться, надышаться своим счастьем, свободой стонать и вопить под праздничную музыку, хлопки петард и новогодний бой часов.

Год обещал быть счастливым. Олег практически переехал к ней. Свадьбу наметили на осень. За это время, в мае, защитится он, в октябре – она. Родители созреют. О родителях Аля старалась не думать – не ее проблема. Иногда она слышала, как Олег звонит своим, никогда не произнося слов «папа», «мама»:

– Это я. Как вы? Да, я тут. Да, сегодня остаюсь. Ага. Ну, пока, утром позвоню.

Вот и весь разговор. Аля понимала, что он заезжает к ним, завозит деньги, продукты. Но что об этом говорить? Звонить и уговаривать, как советовала Лида, она не могла, и точка. Да Олег и не просил ее об этом. У них и без того было много тем для разговоров. Он уже купил просторную квартиру, в которой велись отделочные работы по ее, Алиному, вкусу. А откуда у нее вкус? Вкус был у Витуты. Это она знала, в какой цвет стены красить, какую сантехнику устанавливать, какую кухню подобрать. Много чего знала Витута. И хорошо. Не до убранства комнат было Але перед сдачей докторской.

Защита Олега прошла блестяще. Зарубежные партнеры пригласили его на три месяца прочитать курс лекций в университете. Он не мог оставить дела своей фирмы и порекомендовал Алю: у нее гораздо больший опыт. Все лепилось одно к одному: то монотонное существование, когда каждый день был похож на предыдущий, кануло в прошлое. Защиту удалось перенести на сентябрь. Свадьбу назначили на конец декабря. Как раз она вернется, и новая квартира будет готова.

Одна была печаль – Витута. Они еще никогда в жизни не расставались. Ночевки в разных концах города не в счет. А так – на целых три месяца... И Витута, и Олег дружно утешали: ну что может случиться? С голоду не пропадет, университет за это время пропускать не будет, созваниваться можно каждый день. Когда-то все бывает в первый раз. Пора привыкнуть, что двое взрослых людей – мать и дочь – должны жить каждая своей жизнью. И три месяца – не три года, пролетят незаметно.

Разлука далась тяжело. Не хватало Олега страшно. Она, оказывается, привыкла быть любимой. Не хватало Витутиной болтовни, ее энергичного напора, силы ее молодости.

Они встречали ее на вокзале. Два самых дорогих ей человека.

Издалека, еще глядя на них из запыленного окна поезда, она уловила тень перемены. Не было долгожданного веселья в их лицах, не подрагивала нетерпеливо Витута, готовая сорваться и побежать навстречу материнским объятиям, взгляд Олега показался чужим. Не увидели они ее? Или разлука сумела-таки что-то разрушить?

Они медленно приближались друг к другу, и вдруг Аля увидела Витутин быстрый охотничий взгляд снизу вверх на Олега. И общинческий молчаливый кивок его сверху вниз – Витуте.

Как это ей раньше в голову не приходило? Не она с Олегом – пара. Вот – пара. Прекрасные, молодые, сильные. Вместе. Они уже все решили. Когда? Может, задолго до ее отъезда? И эта ее поездка – Олегово благодеяние, – только чтобы развязать себе руки?

А его вздохи по телефону ночами: «Не могу без тебя, не могу...» Зачем? Чтобы раньше не вернулась? И то, что стариков уговорил, и они согласны, и придут и до свадьбы, и на свадьбу?

Какая теперь свадьба!

Ах, Витута, Витута! Не удержалась! Попробовала свои коготки. На материной единственной любви. На долгожданном счастье.

Нет, она, конечно, не со зла, не специально. Инстинкт охотницы – никуда не денешься. Поиграла. Забылась. И не нужен он ей. А вот теперь... Не знает, как матери в глаза взглянуть...

Он... вот кто виноват. Такой же, как все. Чужой. Вероломный. Мужчина. Враг. Все у нее взял, что мог. Все – знания, информацию, любовь, дочь.

Ведь Аля за долгие одинокие годы умела видеть людей насквозь. Ей не надо было слов. Она и так знала о людях и о жизни по максимуму. Сейчас главное было как-то дойти эти последние несколько шагов до них, не закричать, не заплакать. Впрочем, плакать она бы и не смогла: слезы высасывала изнутри бездонная тоска, мгновенно окрасившая все окружающее в тусклый серый цвет: и рыжую Витутину шубку, и огромную зеленую елку с красными бантами в здании вокзала, и подаренный ею на тот счастливый Новый год радостный полосатый шарф Олега.

– Устала? – услышала она участливый голос предавшего ее человека. – Давай я понесу.

Они шли молча. Их вина и ее знание создали такую страшную смесь, что каждый вдох давался Але с усилием.

Она поняла: сейчас он отвезет их с Витутой домой, сам уедет к себе, у нее не останется. И все. Это было все. Рассказать ей у него не хватит смелости. Он просто спрячется, укроется от ее горя. Расхлебывать будут они с Витутой. Хотя – что «с Витутой». Она себя от матери сама отрезала. Что тут «расхлебывать»?

Надо просто стараться вдыхать и идти. Вдыхать и идти. И как-нибудь...

...Он хотел пропустить ее первой в дверь подъезда. Наверное, чтобы еще раз напоследок перегляднуться с Витутой.

– Вы идите, я чуть на воздухе побуду, – смогла произнести Аля. Пусть договариваются, как хотят. Ей надо продышать свою тоску, дух перевести.

– Кисуленька, я сейчас чемодан занесу и на работу, может, чайку вместе попьем?

Он как ни в чем не бывало смел называть ее им же придуманным ласковым прозвищем. Но голос-то не прежний – участливо-горький. Сочувствует.

Она отрицательно качнула головой.

– Ну я после работы приеду, – зачем-то продолжал ломать комедию молодой человек, не глядя ей в глаза.

Впрочем, и ей было не поднять на него глаз.

Ушел. Аля вздохнула. Начинался новый отсчет времени.

А ты как хотела? За счастье всегда надо платить! И вот она – плата. Ничего. Дыши. Смотри на пар собственного дыхания, на снежинку, прилетевшую умирать на твой рукав: все как всегда, и после такого все будет как всегда.

– Вот кто знает, где настоящую елку купить! Вот у нас главный по елкам специалист! – донесся до нее когда-то слышанный голос.

Тетя Лида! Ее именно сейчас тут не хватало. О чем с ней теперь говорить? О своем позоре? Пусть племянник сам объясняет по-родственному.

Широкое лицо простецки сияло радостью. Глядя сквозь это лицо, как сквозь невидимое привидение, Аля нашла в себе силы проскрипеть неприязненно-ржавым голосом:

– Вы меня с кем-то путаете. Я вас в первый раз вижу.

И, повернувшись лицом к подъезду, также «сквозь» взглянула на замершего у раскрытой двери Олега, увидевшего и услышавшего все разом.

Сюжет был завершен.

Минуя его, не коснувшись, вошла Аля в свой дом начинать новую старую жизнь.

Витута уже лежала, заботливо подоткнутая со всех сторон одеялом. Он позаботился, уложил. Ну пусть отдыхает.

И все же не выдержала, подошла:

– Что, тебе нечего мне сказать?

– Давай не сейчас, – тихо попросила Витута.

– Почему же? Зачем откладывать? – Алю прорвало, и голос наконец-то зазвучал в полную силу.

– Мне плохо просто, – пожаловалась Витута матери.

– А мне хорошо?! Обо мне ты подумала?! Ты что думала, все всегда для тебя?

Аля смотрела в лицо дочери и видела забытые черты ее отца. Вот в кого она выросла. Бездушная, эгоистичная тварь. Вот чьи гены победили!

– При чем здесь ты? Я думала о тебе, но ты-то здесь при чем?

Витута села на кровати, цепко и неприязненно глядя на мать.

– Я тебя просила оставить меня в покое. Ты не хочешь. Тогда слушай. Я аборт сделала. Позавчера. В районной женской консультации. Я сделала аборт! Без анестезии! Меня там вырвало. И они велели мне мыть пол. После всего этого. Я мыла пол, а эта тетка там, нянька, что ли, сказала, что после первого аборта детей не бывает! Довольна?!?! Ты теперь довольна?!?!

Аля видела только бескровные губы дочери и черные круги под ее глазами.

– Зачем же ты это сделала? Почему не подождала меня? Почему – так? И он – что он – не знал?

– Я тебя не подождала, потому что ты – дура! Дура и только себя понимаешь! И думаешь, что самая умная. Все у тебя должно быть по правилам! Ты все лучше всех знаешь! Я тебя ненавижу!!! Ненавижу, слышишь!

Аля отшатывалась от страшных слов в ужасе и понимала, что от них не уберечься, что теперь должно быть именно так.

– Я не хотела ребенка из-за тебя! Из-за твоих сволочных правил! Из-за того, что «сначала диплом и замуж за порядочного...». А он, он непорядочный, поняла? Женатый он! И я потом только узнала... Когда уже ребенок был!

– Так это не... – Аля тут же осеклась, но состояние Витуты делало ее особенно чуткой.

– Не Олег, ты хотела сказать? Ну, ясно, что ты еще можешь подумать! Одноклеточная, пошлая дура! Только тебе одной может быть больно! Только ты рассудишь по справедливости! Я все заранее знала! И никому из вас не хотела говорить! Но у меня температура поднялась. Он привел нормального врача. Умолял все тебе сообщить. Я с него клятву взяла, что он молчать будет, пока я сама не решу. Довольна? Все выпытала?

Неважно, какие слова произносила бедная ее девочка. Неважно, что «ненавижу» Аля впервые услышала от самого дорогого ей существа. Случилось непоправимое. Гораздо страшнее всяких слов. И случилось – она знала – и по ее вине тоже. Она действительно – ни разу в жизни – еще не пыталась кого-то понять. Не умела простить, не умела смириться.

Надо было чему-то учиться. Чему-то самому главному. Она пока не знала, что это. И, как слепая, на ощупь, протягивала руки вперед, навстречу случившейся беде.

Махну серебряным тебе крылом... ³

Оставалось пройти паспортный контроль. Антон встал в небольшую очередь – сегодня в цюрихском аэропорту почему-то всюду были очереди, – достал заранее паспорт.

«Ай лав ю со мач, ай вил мис ю» ⁴, – услышал он впереди себя нежный тихий шепоток. В шепотке слышались слезы. Впереди стояла красивая пара, как он сразу их не заметил? Не швейцарцы – иначе зачем английский. Но иностранцы. В смысле, не русские, не наши.

Мужчина – высокий, статный, ухоженный – одна стрижечка чего стоила, в костюме, который тянул на несколько тысяч баксов, судорожно обнимал тоненькую бледную девушку с короткими темными волосами.

«Вылитая Деми Мур», – определил Антон. Он увидел ее тонкие пальчики с длинными ноготками лопаточками (самая модная форма, жене его так же теперь маникюрша делает). Некоторые пальцы были украшены не слабыми колечками: в одном – крупный бриллиант, в другом – изумруд. И мужчина, и девушка были совсем из другого мира. Там летают на личных самолетах и не стоят в очереди на паспортный контроль. Но мало ли что бывает?

Девушка продолжала шептать свои отчаянные слова. Мужчина молчал, прижимая ее к себе. Антон постарался встать так, чтобы можно было увидеть его лицо: в глазах того стояли слезы, одна слеза катилась по щеке. Девушка подняла лицо, встала на цыпочки и выпила ее. Мужчина объятий не разжал, уткнулся лицом в ее волосы.

Антон был растроган. Он никогда не видел, чтобы такие мужики не то чтобы плакали, а вообще хоть как-то проявляли свои чувства. Сидят на переговорах с приветливо-каменными лицами, до последней минуты не поймешь, что решили. Хотя тут было все понятно – когда такая девушка говорит тебе о любви, и выпивает твою слезу, и прижимается к тебе беспомощно, а ты с ней должен расстаться, – тут можно и зарыдать. Все поймут.

В общем, пара излучала такую любовь и боль от предстоящей разлуки, что долго смотреть на них было трудно: становилось завидно. И хотя у Антона была красавица жена, и они любили друг друга, и верили друг другу, и скучали, расставаясь, ужасно, но тут у него как-то учащенно забилось сердце. Захотелось быть на месте этого мужика, чтобы так же красиво все было, и пусть даже больно невыносимо, но чтобы так же потянулось к тебе любимое, единственное лицо, чтобы слезу твою выпила. Очередь двигалась медленно.

«Вот счастье-то для этих», – подумал Антон и глянул вперед: много ли еще народу. И глаз не смог оторвать! Перед отчаянно прощающейся парой стояла еще одна, почти такая же. Только у этого, нового мужчины волосы были чуть светлее, и сам он был несколько круглее – типичный процветающий швейцарец, а девушка его была не Деми Мур, а вообще ангело-подобная Мия Фэрроу, какой она была в «Ребенке Розмари». (Жена у Антона любила кино и его приучила, так что ему типы внешности было легче всего определять, сравнивая с кинозвездами.)

Эта пара прощалась менее выразительно, но более темпераментно: жадно целовались, отстранялись, смотрели друг на друга, потом опять бросались друг другу в страстные объятия.

Ситуация из эксклюзивной превращалась в обыденную, комическую даже. Зависть прошла. Антон стал думать о своих служебных делах.

На подходе к пограничнику обе парочки жестом пропустили его вперед – не напрощались, значит. Он глянул напоследок на девушек: бывают же такие. Темненькая по-прежнему что-то жалобно шептала своему спутнику, гладила его по щеке узкой рукой, а голубоглазая «Розмари» как раз подставляла губки для очередного жаркого поцелуя.

³ Слова песни из кинофильма «Небесный тихоход».

⁴ I love you so much. I'll miss you (англ.) – Я так люблю тебя, я буду скучать.

Войдя в салон самолета и заняв свое место, Антон достал деловые бумаги и принялся их перечитывать.

– Танька, блин, чуть в самолет из-за вас, козлов, не опоздали, – раздался почти над самой его головой задыхающийся хрипловатый женский голос. Стервозный такой голос энергичной московской девки.

Взъерошенная Деми Мур обращалась к запыхавшейся Мии Фэрроу. Обе плюхнулись в пустовавшие кресла перед пораженным Антоном. Он слушал, стараясь не пропустить ни слова.

– Ну, Дашк, – сказала Мия более пискляво, но с теми же развязными интонациями, что и ее подруга, – ну, ты мне такое дело сделала, век тебе не забуду.

– Да ладно, чего там, – отвергла благодарность Деми. – Ты давай рассказывай, как у вас там. Мы ж с тобой теперь соседки будем, мне к тебе только с горочки спуститься. Это тебе не Братеево с Теплым Станом.

Обе сыто заржали, и Танька, уже совершенно утратившая в глазах Антона даже приблизительное сходство с похожей на ангела Мией, принялась хвастаться:

– У него такая вилла! Комнат двадцать! Не сосчитать! Две ванны джакузи! Мы все время – то в одной, то в другой. Смотри, какая я промытая, да? Сад большой, бассейн. Слушай, пферд – это лошадь? Вот, у него, значит, еще пферды есть, только не здесь, в другом каком-то месте. На пфердах скакать будем, сказал, по уик-эндам! Представляешь? А в моей ванной – ты бы видела (у него несколько ванн, с ума сойти!), так в моей – туалетных вод всяких – тьма: и Живанши, и Келвин Кляйн, и Шанель, и Элизабет Арден, и Тифани, и Герлен. И к ним такие же гели для душа, и кремы! Знаешь, кайф какой! Я даже с собой оттуда немножечко взяла...

– Вот дура! – с досадой оборвала ее Дашка. – Это ж все твое будет, зачем же у самой-то себя переть, это тебе не из клубного сортира жидкое мыло скомуниздить. Сколько тебя учила, а ты... Ты, наоборот, делай вид, что для тебя это все – тьфу, дерьмо собачье, видела и не такое тысячи раз. Ты же, типа, сама не голодрань, человек приличный, хоть и от одиночества уставший. И тебе, типа, кроме любимого человека, ничего и не нужно.

– Нет, Дашк, я не перла. Я у него в последний вечер, когда мы в ванне, ну, это... И я ему говорю: «А можно я с собой на память возьму вот эти духи?» Что я, когда ими подушусь, сразу этот вечер вспомню, как у нас все было. А Уго мне говорит: «Это же я специально для тебя и покупал, не знал, что ты любишь, волновался, вот и купил разное». Он увидел, что я Шанель взяла (она же самая дорогая, правильно?), так сегодня перед отлетом, смотри, чего мне еще принес.

– Ух ты! – похвалила Дашка. – А мне мой сегодня, смотри, что подарил.

Танька молчала, видно, подарок разглядывала. Потом протянула:

– Это да-а! Бриллиант настоящий?

– Ага! Я на душки не размениваюсь. Это ж обручальное, Таньк! Мы с ним вчера помолвились, считай, официально. Он прием устроил, народу назвал, все от меня балдели по-страшному. В общем, показала я им европейский класс. А их бабы – такие коровы: накраситься толком не умеют, одеваются, как чушки, я-то волновалась, думала: как я там среди них. Но хорошо еще: все по-английски говорят...

– Счастливая ты, Дашка, по-английски можешь. А я вообще – дура дурой, как глухонемая, все на пальцах объясняла. Ну, ничего, сейчас прилетим, на следующий же день на курсы пойду.

– Курсы курсами, а ты как с Шуриком своим будешь? Уго твой знает, что ты замужем? Сказала ты ему? Как ты за него выходить-то собираешься? Они же ведь через месяц приедут!

– Ой, Дашка! Я об этом все время думала: ну что мне делать, такого шанса ведь больше не будет у меня. Вот ты представь, возвращаюсь я сегодня в нашу трехкомнатную, к Шурику моему благоверному с его мамочкой. Я тебе еще не рассказывала, что она недавно отмочила? Он на работу собирается, у него что-то важное на девять утра было намечено, ну и мамусенька

нас, сынулечек своих малолетних, перед выходом оглядывает, есть ли у нас платочек носовой и всякое такое, и вдруг она так тревожно: «Шура, а ты трусы сменил?» Он отмахивается, мол, спешу, мам, не до трусов мне, так она за ним к лифту бежит и на всю лестницу вопит: «Шура, смени трусы! Шура, смени трусы!» Он у нас мальчик послушный, вернулся трусы менять, на меня орет, торопится, я виноватой оказалась, представляешь, мамочке никогда ничего не скажет, всю злость на мне выместит. И что ты думаешь: опоздал он на свою серьезную встречу из-за трусов! Вот какие у нас дела! Надоело мне все это, мужику сорок пять лет, а без маминой юбки – никуда. И мама у нас – святая, непорочная, какая бы ей моча в голову ни ударила.

– Да, слов нет, – хмыкнула Дашка, – ну думай, как ты будешь. Они как про развод узнают, ведь грызть тебя начнут, тебе тогда сразу уходить надо, а Вовчик как же? Хорошо, я себе крылья не обрubiла. Свободная. Правда, ты все-таки за ними была как за каменной стеной, ни о деньгах, ни о том, как с начальником поладить, у тебя голова не болит. А я... Хватит, насекут, насекретничала. Шефа кондрашка хватит, когда узнает, за кого я замуж выхожу. Козел вонючий. Теперь он под мою дудочку попляшет. Это ему не за триста баксов в месяц надо мной измываться. В общем, заживем, как белые люди.

Таньку грызла мрачная дума:

– Даш, я знаю, что я сделаю: пойду в суд, подам заявку, типа, он алкаш, бьет меня, где он – не знаю. Они его вызовут, он не придет, нас и разведут. Мне Машка говорила, она со своим, он у нее правда пьянь был, так развелась. Легко и быстро. Шурик с мамулечкой даже и не узнают ничего. Я за Уго выйду, а потом уже им скажу. Во они обалдеют!

– Это ничего, – одобрила Дашка. – А Вовчик? Может, Уго твой вообще детей не захочет. Или чужих не выносит. Знаешь, есть такие мужики – на чужих детей аллергия. Удавятся, а бабу с ребенком не возьмут.

– Он добрый, Дашка! И как раз детей любит! И спрашивал меня, сколько у нас детей будет. И сказал, что много хочет. Придумаю что-нибудь. Еще не вечер. А Вовке только лучше будет.

Дашка откинула спинку кресла, которое уперлось прямо в колени Антону.

– Мужчина, уберите свои ноги, вы мне отдыхать мешаете, – вызывающе брезгливо потребовала она, повернувшись к нему.

Он увидел ее цепкие пальцы, хищные ногти, кольцо с массивным бриллиантом. Отвечать не хотелось.

– Дашк, ты что, не видишь, это же иностранец, не понимает он тебя, – проворковала Танька и ласково улыbnулась.

На всякий случай.

Юзер

1

Глупо как-то они познакомились. В кафешке встретил приятеля-фотографа, у которого когда-то подрабатывал. «Зайдем, – говорит, – кофейку тяпнем. Всю ночь туда-сюда, не спал ни минуты, а сейчас вот в журнал тащиться...»

Итон тоже всю ночь жил бодро, тусовался. Фу-ты ну-ты, имя Итон, а? Он сам себя так назвал, еще в шестнадцать лет, в босоногом деревенском детстве. Услышал где-то, понравилось. Не то что Игорем, как мама придумала. Итон – и все балдеют. В Москве тоже все поначалу балдели, спрашивали – в каком, мол, смысле – Итон? Он отвечал – в прямом. Круто получалось. Какая-то родословная вырисовывалась. Сразу делалось ясно, что он – человек-загадка, раз дали ему такое имя. Однажды спросили: «А как же по батюшке?» – «А у нас без батюшек», – таинственно намекнул Итон на нездешние корни. Так и привыкли в тусовке – есть такой Итон, стильный, много не говорит, не врет, всем вокруг интересуется. Как неродной.

Он и был им неродной, из Белгородских меловых карьеров. И хоть отчество у него имелось – Иванович, отца он никогда в жизни не видел, да и не мог видеть, его просто не было вообще. Мама рассказала ему по-дружески все про себя и про него – стесняться ей было нечего – она удачу свою воспевала и смекалку, а не позор.

Никто ее в молодости не любил, потому что она была некрасивая, а ей хотелось ребеночка, ужасно хотелось. Она уж и наряжалась по-всякому, и губки бантиком красила, и брови выщипывала, и на химический перманент тратилась. Но робость мешала. В компаниях зажмется в каком-нибудь уголке и сидит. Никто на нее и не глянет. И вот прокатились двадцать девять лет ее никого не привлекавшей жизни. Почти тридцать. После тридцати пойдет четвертый десяток, совсем чуть-чуть до бабушки. Эта навязчивая мысль прицепилась, как сырая глина во время осенней распутицы к башмакам, – не отдерешь. От отчаяния и ужаса перед подстерегающей у порога старостью решилась она на небывало мужественный шаг.

К подружкиному мужу приехал младший брат – новоиспеченный лейтенант. Следовал к месту службы и остановился на одну ночь. Все как следует выпили на радостях, и лейтенант стал хвастаться, что теперь – все, прощай холостая жизнь, сейчас вот обоснуется на новом месте, приедет невеста.

– Красивая, – вздыхал, сам себе завидуя, – вот такая же вот кудрявая, как она.

И кивал на Тоню. И все согласно кивали по-пьяному, что, дескать, да, тогда – ясное дело – красивая. Тут Тоня и поняла, что сейчас – или-или. Или будет у нее ребенок от любимого человека, который впервые в жизни ее красивой назвал, или она распоследняя дура, и пеняй тогда на себя. Все еще немножко выпили и позабыли про лишние детали жизни. Тогда она взяла лейтенанта за руку и увела в подругину спальню. Дверь на ключ замкнула, хотя все равно никто бы не пришел – водки на столе было еще много, да и компания вся была семейная, солидная, никому по углам целоваться уже надобности не было. Лейтенант был молодец. Сразу все понял. Налетел, как вихрь. И все называл ее Наталочка, Наточка. Для самоуспокоения, скорее всего. Не такой уж он был пьяный, чтоб Тоню от далекой невесты не отличить.

Все было очень-очень хорошо. Когда единственный ее любимый уснул, она быстренько оделась, поцеловала его на прощание и погладила по светлым волосам. Благодарила за будущего ребеночка, уверена была, что все будет как в сказке, – по ее велению, по ее хотению.

Ее отсутствия никто и не заметил. А вот Ваню хватились:

– Куда подевался?

– Да спит, устал, весь день в дороге. Пусть спит, – постановил старший брат.

Она еще посидела со всеми, тихо переживая свое счастье, да и дома потом всю ночь не спала, все вспоминала, как он называл ее красивой, как крепко обнимал. Радовалась, что оказалась такая смелая и сделала, как захотела. Успела до тридцати, до старости.

Как только Тоня поняла, что беременна, легко нашла учительскую работу в другом поселке, учителей младших классов не хватало, а у нее уже был десятилетний стаж, опыт. Получила от совхоза домик, завела хозяйство, маму перевезла. Но даже ей, маме своей, не сказала, чей Игорек, – зачем? Зачем Ване неприятности? И Наталочке его? Они-то в чем виноваты?

Жаловаться на судьбу было нечего – они тихо и хорошо жили. Игорек у мамы своей учился в младших классах, никто его не обижал. У них был сад, огород, коза, кролики, куры. Все эти живые были первыми и лучшими Игорьковыми друзьями – козочка родилась, когда он учился ходить, и они вдвоем понимали, что они – дети, и мир больших им радуется и умиляется. Куры быстро вырастали большими из пушистых желтых писклявых шариков. Крольчата рождались слепенькими, маленькими, как мышки. Их мама-крольчиха перед тем, как выпустить их на белый свет, выщипывала из себя пух и устраивала им теплую постельку, мальчик приносил ей вату, ему было страшно, что она так больно себе делает и что ей-то самой будет холодно теперь. Крольчиха, хоть вату и брала, все-таки продолжала самозабвенно надирать из себя пух для новорожденных.

Бабушка объясняла: «Мать всю себя для ребенка не пожалеет, все отдаст, что там пух – ей для маленьких жизни не жалко».

Тогда мальчик начинал жалеть и свою маму, и мамину маму – бабушку. Они живут по какому-то особому закону, они к себе беспощадны, им лишь бы устроить тепло и покой тому, кто дороже для них самой жизни. Он их любил и уважал, и понимал, что раз так все устроено в мире, его дело – принимать их заботу, брать всю любовь, которую ему дают одинокие женщины, созданные, чтобы быть матерями не один раз в своей жизни и женами не на одну-единственную ночь. Одному мальчику вряд ли нужно такое море нерастраченной любви. Крольчата подрастали, открывались их глазки, и они навсегда вылезали из нащипанного матерью пуха. Крольчиха равнодушно давала убрать этот ненужный уже ее детям пух из клетки. Цыплята становились белыми и пестрыми курочками-подростками, и мать-курица, зорко следившая за каждым чадом, успокаивалась и начинала жить своей жизнью. Взрослое существование живности никого уже не умиляло и не приводило в нежный восторг. И только человеческие матери с годами не остывали, а, напротив, все больше любовались, все большие жертвы приносили своему ненаглядному творению.

Мальчик был уверен, что именно так и должно быть. От кого ему было научиться, как быть мужчиной? Он умел быть маленьким, умел принимать заботу, умел любить тех, кто его любит. Много это или чего-то не хватает? Как знать...

После школы свято верующие в способности и исключительность Игорька мама с бабушкой снарядили его в Москву – учиться. В бесплатный институт он не попал. Срезался на первом же экзамене. Кто мог подумать, что в этом городе окажется столько умных, которые знали все, о чем он даже не догадывался, что это знать нужно. Он лишился веры в себя (но не любви к себе). И хоть город многое в нем сокрушил, покинуть его ошеломленный Итон был не в силах. Чуть-чуть подзарабатывал то здесь, то там. Втянулся в ночную жизнь. Хорошо было ввалиться в клуб, встретить знакомых, поорать сквозь грохот музыки про дела или мысли, которые недавно пришли на ум. Тяжелее всего обстояло дело с жильем, но и тут выручали клубные знакомства: то кто-то уезжал на месяц и оставлял ключ от комнаты в коммуналке, то у кого-то родители отбывали в загранку, одному скучно – можно пожить вместе.

Оставаясь внутри маленьким, он умел жизненную игру повернуть в свою сторону, сделать так, чтобы о нем заботились, жалели, помогали. Главное, никому не говорить о сокровенном: о младшеклассной учительнице-матери, копании в земле и курятнике, о простой жизни, когда

на завтрак – стакан козочкиного молочка с хлебушком, на обед – мятая картошечка, на ужин – макароны с засоленным бабушкой огурчиком. Все это было постыдно обыкновенно.

Он говорил: «Наверное, в прошлой жизни я был вегетарианцем, так что в этой – стремлюсь наверстать упущенное». И его угощали стейком или фуагра, или... – да мало ли в этом чудо-городе еды с непонятными названиями для самых обычных вещей: мяса или гусиной печенки.

Мама самоотверженно велела: «Сиди в Москве. Там тебя никто не знает, в армию не заберут. Возможности там какие – с твоими-то способностями рано или поздно...» Но у него чего-то не получалось – ни рано, ни поздно. Не знал, с чего начать, куда ткнуться. На простую работу – унизительно, что он, последний деревенский алкаш – снег разгрести, да и как скажешь друзьям-студентам. Это им, городским везунчикам, такая работа не в лом, потому что экзотика. Он давно еще читал, что в Америке даже дети миллионеров работают в каникулы какими-то там подстригателями газонов или официантами, чтобы на карманные расходы у родителей не брать. Будь он сын миллионера, он бы тоже азартно вкалывал на временном быдляцком поприще – это была бы игра, спектакль, веселые каникулы. А если ты по-настоящему никто? Это же самоубийство – всенародно подтверждать такое, не имея при этом сытой миллионерской уверенности в то, что все понарошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.